

Казахстан против Айгуль Утеповой

Апрель 2022 г.

TRIALWATCH FAIRNESS REPORT
A CLOONEY FOUNDATION **FOR** JUSTICE INITIATIVE

ОБ АВТОРЕ:

TrialWatch – это инициатива **Фонда Клуни «За справедливость»**. Её задача – разоблачать несправедливость, помогать освобождению несправедливо задержанных и продвигать во всём мире верховенство закона. TrialWatch наблюдает за уголовными процессами по всему миру против наиболее уязвимых лиц, среди которых журналисты, протестующие, женщины, представители LGBTQ+ и меньшинства, и отстаивает права несправедливо осуждённых. Со временем, TrialWatch использует собранные данные для публикации Глобального рейтинга правосудия (Global Justice Ranking) с результатами по странам, и применит его для поддержания усилий по достижению системных перемен. Инициатива TrialWatch подготовила данный отчёт.

ОБ ЭКСПЕРТЕ:

Эва Сели – венгерско-американский психолог и юрист, она специализируется на вопросах защиты прав людей с психическими заболеваниями. Доктор Сели работала в области расследования нарушения прав человека и подготовки правозащитников в Болгарии, Эстонии, Венгрии, Косово, Латвии, России, Сербии и Украине, готовила презентации по правам лиц с психическими заболеваниями для органов Организации Объединённых Наций (ООН) и Европейского Союза (ЕС). Она вела дистанционный курс по законодательству в области психической инвалидности в Нью-Йоркской школе права и является соавтором первого сборника по практике законодательства в области прав человека и психических заболеваний. В настоящее время она преподаёт на факультете психологии Университета штата Аризона в США.

Выраженные в настоящем докладе мнения не обязательно совпадают с мнением Фонда Клуни «За справедливость».

Эксперт Инициативы TrialWatch Эва Сели присвоила этому судебному процессу уровень D:

Уголовное преследование против Айгуль Утеповой не соответствовало международным нормам и обязательствам Казахстана по международному законодательству в области прав человека. В прямом противоречии с правами, гарантированными Международным пактом о гражданских и политических правах, органы обвинения и суда подвергли А. Утепову произвольному задержанию и не обеспечили ей справедливый суд, прямо намереваясь лишить её свободы выражения мнения, собраний и ассоциаций. Её содержание под стражей до суда, суд, осуждение и приговор были политически мотивированными и незаконными.

Прошёл почти год с момента осуждения журналиста Айгуль Утеповой в Казахстане. С марта по апрель 2021 г., Фонд Клуни «За справедливость» наблюдал за этим судебным процессом в Казахстане. Утепова – журналист-фрилансер, которая была обвинена и осуждена за посты в соцсетях, которые были восприняты как размещённые в поддержку казахстанских оппозиционных партий ДВК и Коше, которые рассматриваются как мирные международными органами и правительствами, но были запрещены как экстремистские организации тайными решениями казахских судов. С самого начала уголовного преследования Утеповой, которое включало принудительное помещение в психиатрическую клинику, несмотря на отсутствие каких-либо сведений о психическом заболевании, и семимесячный необоснованный домашний арест, было ясно, что это дело представляет собой не что иное, как способ наказать её за независимый комментарий, и что итог его был предрешён. В частности, суд был омрачён предвзятым поведением судьи.

Суд последовательно и необоснованно выносил постановления в ущерб защите, а обвинительный приговор практически полностью опирался на ущербные заключения экспертов обвинения. В результате осуждения, Утепова лишилась источника существования и свободы: ей было запрещено выходить из дома, кроме как на работу, она лишена доступа к своим банковским счетам и не имеет права публиковать что-либо по политическим или социальным вопросам. В более широком смысле, дело Утеповой – это один из многочисленных примеров злоупотребления расплывчатым и чрезмерно широким антиэкстремистским законодательством, которое практикуют власти Казахстана для борьбы с протестными настроениями.

Дело Утеповой состоялось ещё до недавних протестов и насилия в Казахстане. Жёсткий ответ власти на эти демонстрации, однако, является последовательной политикой, а недовольство экономической ситуацией является как центральной платформой партий ДВК и Коше, так и движущей силой январских протестов. Дело против Утеповой представляет мрачную картину того, что может произойти с сотнями людей, которым предъявлены уголовные обвинения в связи с беспорядками.

История вопроса

В 2018 году решением Есильского районного суда города Нур-Султана была запрещена партия ДВК (Демократический выбор Казахстана), признанная экстремистской организацией. 19 мая 2020 г. Есильский районный суд запретил как экстремистскую недавно созданную Партию Коше (Коше Партиясы), признав её организацией-правопреемницей ДВК. Ни одно из этих решений не было обнародовано. Европейский парламент и Государственный департамент США, однако, охарактеризовали эти партии как мирные. В соответствии со Статьёй 405(2) Уголовного кодекса Республики Казахстан, участие в деятельности запрещённых организаций влечёт уголовное преследование, с возможным лишением свободы на срок до двух лет.

В сентябре 2020 г. г. Утепова была арестована и задержана за посты в соцсетях и другую общественную деятельность – которую она вела с 2019 г. – которая, по мнению властей, поддерживала партии ДВК и Коше, например, посты в Фейсбук такого содержания: «Поэтому мой выбор – партия «КОШЕ» и «А если я скажу, что поддерживаю ДВК, кто-нибудь удивится?» После того, как Утепова была задержана на 72 часа, суд удовлетворил ходатайство следствия о помещении её под домашний арест (впоследствии суд продлевал домашний арест Утеповой вплоть до окончания процесса, который продолжался около 7 месяцев).

Вскоре после ареста Утеповой, следователь запросил проведение амбулаторной психолого-психиатрической экспертизы. В ноябре 2020 г., ссылаясь на неоднозначные результаты экспертизы, суд вынес постановление о принудительном помещении Утеповой в психиатрическую клинику для дальнейшего наблюдения. В декабре 2020 г. Утепова была признана психически здоровой и выписана. В феврале 2021 г. прокурор составил обвинительный акт, официально предъявив ей обвинение по Статье 405(2). При этом обвинение не заявляло, что какие-либо посты или другие действия Утеповой содержали призыв к насилию.

Суд над Утеповой начался 15 марта 2021 г. Выступление обвинения почти исключительно было сосредоточено на комплексном заключении, подготовленном

экспертами - политологом, филологом и психологом, которое устанавливало, что вменяемые Утеповой действия могут создать негативное отношение к властям, привести к «антиобщественной» деятельности и составляют систематическое распространение «агитационно-пропагандистских материалов». Обвинение вызвало двух свидетелей в поддержку своей позиции: эксперта-политолога, который участвовал в подготовке комплексного заключения, и отдельного эксперта-политолога, который давал заключение в самом начале следствия.

На суде выяснилось, что первый эксперт всё ещё является докторантом, а последний эксперт защитила диссертацию по истории, а не по политологии. Более того, второй эксперт-политолог отказалась отвечать на подавляющее большинство вопросов защиты о своей методике, заявив, что вернула все материалы полиции и не может вспомнить конкретные моменты. 29 апреля 2021 г., по итогам девяти заседаний, Утепова была осуждена. Суд приговорил её к одному году ограничения свободы (включая запрет покидать место жительства в «свободное от работы время») и лишил её права использовать соцсети и вести политическую деятельность, сроком на два года.

Нарушения на досудебном этапе и в суде

На досудебном этапе наблюдалось огромное количество нарушений прав Утеповой. Самое важное из них – помещение Утеповой в психиатрическую клинику и длительный домашний арест, которые нарушают Международный пакт о гражданских и политических правах (ICCPR), в котором участвует и Казахстан. И принудительное помещение в клинику, и домашний арест являются лишением свободы. По Международному пакту о гражданских и политических правах, лишение свободы должно быть последним средством, и налагаться только тогда, когда это абсолютно необходимо.

Комитет ООН по правам человека, который следит за соблюдением Международного пакта о гражданских и политических правах, устанавливает, что лица могут быть принудительно помещены в клинику, только если они представляют опасность для себя или других. Относительно Утеповой, однако, суд санкционировал помещение в клинику на целый месяц исключительно для целей наблюдения и при отсутствии каких-либо признаков того, что она когда-либо страдала психическим заболеванием, тем более представляла угрозу безопасности. Ни первоначальная экспертиза Утеповой, ни экспертиза, проведённая в психиатрическом стационаре, не обнаружила доказательств психического заболевания, что отражает ненужность помещения в клинику и является частью общей картины – принудительная госпитализация политических активистов.

Также, в постановлениях о назначении и продлении домашнего ареста не содержалось конкретного обоснования, почему это необходимо: не было никаких признаков, указывающих на то, что Утепова, например, может бежать из страны или вмешаться в доказательства. Вместо этого, суд извратил требование необходимости, заявив, что нет особого основания для Утеповой *не* находиться под домашним арестом. Отсутствие оснований как для содержания Утеповой в психиатрической клинике в течение 18 дней, так и домашнего ареста в течение 7 месяцев приводит к мысли, что её наказывали за независимый комментарий, и обе эти меры произвольные.

Сам суд был омрачён предвзятостью судьи. Первое, судья отказывал в ходатайствах защиты о вызове ключевых свидетелей, например, экспертов, которые составляли указанное комплексное заключение, на котором держится вся позиция обвинения, а также следователей, которые помогали готовить материалы дела. Несмотря на важное значение этих свидетелей для аргумента защиты, что посты Утеповой в соцсетях не могут квалифицироваться как «участие» в «деятельности» ДВК и Коше по Статье 405(2) (о чем подробнее ниже), судья либо вообще не давал никакого объяснения своему отказу в вызове свидетелей, либо заявлял, что допрос свидетелей не нужен и вызов задержки в процессе.

Второе, когда те немногие свидетели, которые всё-таки явились в суд, отказывались давать показания или отвечать на вопросы защиты, суд не вмешивался. В одном особенно абсурдном обмене репликами, эксперт-политолог, дававшая первоначальное заключение по делу, заявила, что не может объяснить свою методику, потому что она «вернула материалы следствию, которые были на бумажном носителе, поэтому я ничего не могу сказать». Когда её дальше спросили о методике, эксперт сказала: «Я вам ничего не скажу, так как у меня нет на руках материалов, которые я вернула в полицию». Защитник просил провести допрос этого свидетеля позже, чтобы она смогла подготовиться. Суд не только отказал в этом, лишив защиту возможности провести эффективный перекрёстный допрос, но и не напомнил эксперту об обязанности давать показания, как и не объяснил, почему она вправе этого не делать.

Третье, суд безоговорочно принял результаты государственных экспертов, цитируя в приговоре выводы комплексного экспертного заключения в полном объёме без дополнительного анализа по существу или оценки квалификации экспертов. Более того, суд даже цитирует показания указанного выше эксперта, которая отказалась отвечать на вопросы защиты, в обоснование приговора, и это указывает на то, что исход дела не был основан на доказательствах, а был заранее предрешён.

Четвёртое, опора суда на заключение эксперта является тем более неоправданной, что она основывается на действиях, не подпадающих под данное уголовное дело:

хотя суд постановил, что речь может идти только о деяниях, совершённых после июня 2020 г., так как именно тогда вступило в силу решение о запрете партии Коше, заключение эксперта, на котором основан приговор, базируется на прошлых действиях вплоть до 2019 года. В приговоре при этом не сказано ни слова о том, как суд решает этот вопрос – и решает ли вообще.

Всё это нарушило гарантию беспристрастности суда, установленную в Международном пакте о гражданских и политических правах.

Свобода выражения мнения и антиэкстремистское законодательство

Кроме нарушения прав Утеповой на справедливый суд, процесс нарушил её право на свободу выражения мнения. По Международному пакту о гражданских и политических правах, любые ограничения выражения мнения должны быть необходимыми и пропорциональными. Это означает, что уголовный процесс и возможное заключение под стражу должны применяться только к особо тяжким деяниям, например, призывы к геноциду и терроризму. Ни один из постов и других действий, в которых обвинялась Утепова, не содержат упоминаний о насилии или призывов к нему. Более того, обвинительный акт и приговор прямо говорят, что материалы дела не свидетельствуют о призыве к насильственному свержению правительства, а дело вместо этого основано на мирном выражении Утеповой поддержки партий ДВК и Коше. Её уголовное обвинение таким образом нарушило её право на свободу выражения мнения.

Расплывчатость антиэкстремистского законодательства Казахстана способствовала нарушениям прав в деле Утеповой. По Статье 405(2), «участие» в «деятельности» запрещённой организации влечёт уголовную ответственность. Неясно однако, что составляет «участие» и что квалифицируется как «деятельность» запрещённой организации. Также неясно, почему вообще партии ДВК и Коше были признаны экстремистскими. Эта двусмысленность видна из тех действий, за которые судили Утепову, которые в основном представляли собой посты в соцсетях о ДВК и Коше и которые никак нельзя представить как участие в партийной деятельности.

Отсутствие ограничительных критериев в Статье 405(2) даёт властям обширное усмотрение, делая эту статью эффективным орудием подавления голосов оппозиции. Как говорилось выше, осуждение Утеповой (и это обычная в Казахстане практика) влечёт двухлетний запрет на пользование соцсетями и на другие публичные комментарии, а это обеспечивает, что она уже не сможет свободно выражать своё мнение или продолжать журналистскую работу. Это, в сочетании с принудительным помещением её в клинику и многими месяцами домашнего

ареста, даёт мощный сигнал голосам оппозиции в Казахстане – молчать, или ‘хуже будет’.

А. ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ КОНТЕКСТ

Дело против Айгуль Утеповой отражает несколько взаимосвязанных тенденций в Казахстане: подавление правительством голосов оппозиции, преследование независимой журналистики и применение карательной психиатрии против активистов и правозащитников.

Подавление голосов оппозиции

Как отмечает Хьюман Райтс Уотч, в 2020 г. «критики власти подвергались притеснениям и уголовному преследованию, свобода слова по-прежнему подавлялась, особенно в контексте пандемии Covid-19».¹ В своём Докладе о ситуации с правами человека в Казахстане за 2020 год, Государственный департамент США соответственно сообщал, что «государство ограничивало свободу слова.... разнообразными средствами, включая задержания, лишение свободы, обвинения в уголовных и административных правонарушениях».²

В этой связи, правительство Казахстана использовало расплывчатые и чрезмерно широкие уголовные обвинения для того, чтобы запугать и заставить замолчать оппозиционеров. Обычное такое обвинение – это нарушение Статьи 174,³ которая устанавливает уголовную ответственность за «разжигание социальной, национальной, родовой, расовой, сословной или религиозной розни».⁴ В 2016 г., например, власти Казахстана обвинили Куаныша Башпаева по Статье 174 после того как он, в том числе, критиковал управляемое государством Духовное

¹ Хьюман Райтс Уотч, «Казахстан: События 2020 года», 2021 г. Адрес <https://www.hrw.org/world-report/2021/country-chapters/Kazakhstan#>.

² Государственный департамент США, «Доклады о положении в области прав человека по странам 2020 г.: Казахстан», март 2021 г., с. 18-19. Адрес <https://www.state.gov/reports/2020-country-reports-on-human-rights-practices/Kazakhstan/>.

³ Отмечаем, что в 2014 году Статья 174 заменила Статью 164 идентичного содержания. Некоторые из дел, упомянутых в данном докладе, могли рассматриваться по Статье 164. Форум 18, «Казахстан: Дела по Статье 174 множатся, онкологический больной подвергается пыткам», 7 марта 2017 г. Адрес <https://www.refworld.org/docid/58bfbe4c4.html>.

⁴ Международная амнистия, «Казахстан: Гражданский активист помещён в психиатрическую клинику: Ардак Ашим», 26 апреля 2018 г. Адрес <https://www.amnesty.org/download/Documents/EUR5782982018ENGLISH.pdf>.

управление мусульман.⁵ В апреле 2017 г. его приговорили к четырём с половиной годам заключения⁶ после слушания в закрытом заседании.⁷

Правительство Казахстана также применяет Статью 378, которая устанавливает уголовную ответственность за «оскорбление представителя власти с использованием средств массовой информации»,⁸ для преследования активистов и критиков. В мае 2017 года профсоюзный лидер Амин Елеусинов был осуждён в том числе за нарушение Статьи 378. В качестве лидера профсоюза нефтесервисного предприятия Oil Construction Company, Елеусинов возглавил голодовку в знак протеста против принудительной ликвидации национального профсоюзного органа, Конфедерации независимых профсоюзов Казахстана. Он был приговорён к двум годам заключения,⁹ ему была запрещена общественная деятельность на пять лет.¹⁰ Его адвокат, Толеген Шаиков, заявил, что Елеусинову не было обеспечено право на справедливое судебное разбирательство, ссылаясь на то, что «судья отказывал защите в удовлетворении ходатайств о предоставлении доступа к изъятым следствием финансовым документам, которые могли бы свидетельствовать в пользу обвиняемого».¹¹ Проведя шестнадцать месяцев в тюрьме, Елеусинов был освобождён условно-досрочно.¹²

Власти Казахстана также обрушились на связи с запрещёнными оппозиционными партиями. Статья 405(1) Уголовного кодекса Казахстана запрещает организацию «деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации после решения суда о запрете их деятельности или ликвидации в связи с осуществлением ими экстремизма или терроризма», а Статья 405(2) устанавливает уголовную ответственность за участие в указанной деятельности. Осуждение по Статье 405 не только подразумевает возможность лишения свободы

---

⁵ Форум 18, «Казахстан: Дела по Статье 174 множатся, онкологический больной подвергается пыткам», 7 марта 2017 г.

⁶ Форум 18, «Германия отказывает в запросе на экстрадицию», 1 марта 2019 г. Адрес <https://www.ecoi.net/en/document/1458509.html>.

⁷ Форум 18, «Казахстан: Дела по Статье 174 множатся, онкологический больной подвергается пыткам», 7 марта 2017 г..

⁸ Международная амнистия, «10 способов, как новый президент Казахстана может улучшить права человека» 21 марта 2019 г. Адрес <https://www.amnesty.org/en/latest/campaigns/2019/03/ten-ways-kazakhstans-new-president-can-improve-human-rights/>.

⁹ Хьюман Райтс Уотч, «Казахстан: Тюремный срок для профсоюзного лидера», 17 мая 2017 г. Адрес <https://www.hrw.org/news/2017/05/17/Kazakhstan-trade-union-leader-jailed>. См. также Фондация Открытый диалог, «Список политзаключённых и лиц, подвергающихся политическим преследованиям в Казахстане», 12 октября 2017 г. Адрес <https://en.odfoundation.eu/a/8423,the-list-of-kazakhstani-political-prisoners-and-persons-subjected-to-politically-motivated-prosecution-by-kazakhstan/>

¹⁰ Фондация Открытый диалог, «Список политзаключённых и лиц, подвергающихся политическим преследованиям в Казахстане», 12 октября 2017 г.

¹¹ Хьюман Райтс Уотч, «Казахстан: Тюремный срок для профсоюзного лидера», 17 мая 2017 г.

¹² Хьюман Райтс Уотч, «Профсоюзные лидеры освобождены в Казахстане», 6 июня 2018 г. Адрес <https://www.hrw.org/news/2018/06/06/trade-union-leaders-freed-Kazakhstan>.

на срок два года по части 2 или на шесть лет по части 1, но также автоматически помещает человека в список лиц, «связанных с финансированием экстремизма или терроризма», налагая суровые ограничения на личные финансы.¹³ Банковские счета этих лиц замораживаются, их банковские переводы или платежи блокируются, им позволяется снимать лишь небольшую сумму денег в месяц.¹⁴

Власти Казахстана использовали Статью 405 прежде всего для преследования партий Демократический выбор Казахстана (ДВК) и Коше. В 2018 году Есильский районный суд в Нур-Султане запретил ДВК, который возглавляет опальный лидер оппозиции Мухтар Аблязов, и назвал его «экстремистской организацией»: «Суд постановил, что ДВК разжигает социальную рознь, создает негативный имидж государственной власти и провоцирует протесты».¹⁵ Это решение не было обнародовано.

19 мая 2020 г. Есильский районный суд запретил только что созданную партию Коше как «экстремистскую», признав её «организацией-правопреемницей ДВК».¹⁶ Это решение также не было обнародовано. Как сообщает Хьюман Райтс Уотч,

судебные решения о запрете обоих движений основывались на заключениях назначенных государством психолого-филологических экспертиз материалов, размещенных в соцсетях. Никаких других доказательств пропаганды насилия или причастности к насилию со стороны обоих движений в судебных документах не приводится.¹⁷

В результате решений Есильского районного суда о запрете ДВК и Коше, участие в них или организация их деятельности теперь влечёт уголовную ответственность по Статье 405. При этом Европейский парламент охарактеризовал ДВК и партию Коше как «мирные оппозиционные движения».¹⁸ Государственный департамент США также описывает заявленную цель ДВК как «мирную смену авторитарного режима в стране на парламентскую республику», а заявленную цель партии Коше как «превращение страны в парламентскую республику, освобождение всех политзаключённых и борьбу с коррупцией».¹⁹

---

¹³ Хьюман Райтс Уотч, «Казахстан: Репрессии против критиков власти», 7 июля 2021 г. Адрес <https://www.hrw.org/news/2021/07/07/Kazakhstan-crackdown-government-critics>.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Государственный департамент США, «Доклады о положении в области прав человека по странам 2020 г.: Казахстан», март 2021 г., с. 40.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Хьюман Райтс Уотч, «Казахстан: Репрессии против критиков власти», 7 июля 2021 г.

¹⁸ Европейский парламент, Резолюция по ситуации с правами человека в Казахстане, 2021/2544(RSP), 10 февраля 2021 г., пар 5.

¹⁹ Государственный департамент США, «Доклады о положении в области прав человека по странам 2020 г.: Казахстан», март 2021 г., с. 40.

В то же время договорные органы ООН и специальные процедуры ООН выразили обеспокоенность расплывчатостью антиэкстремистского законодательства Казахстана и его подверженностью злоупотреблениям. После визита в Казахстан, Специальный докладчик ООН по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом отметила, что «десятки активистов гражданского общества, блогеров и религиозных деятелей были привлечены к уголовной ответственности, а ещё десятки – задержаны и заключены под стражу на основании положений об экстремизме [Статья 405]»,²⁰ указав, что

важные положения уголовного права, касающиеся терроризма и экстремизма, сформулированы слишком туманно и нечётко и поэтому ущемляют основные права человека, защищаемые международным правом, включая, в частности, право на выражение мнений, свободное передвижение, семейную жизнь и свободу религии и убеждений.²¹

Аналогично, в своих недавних Заключительных замечаниях по Казахстану, Комитет ООН по правам человека «обеспокоен тем, что в уголовном законодательстве государства-участника понятия «экстремизм»... формулируются широко и что такое законодательство в отношении экстремизма используется для того, чтобы неправомерным образом ограничивать свободу религии, выражения своего мнения, собраний и ассоциаций».²²

В последние годы наблюдается шквал процессов по Статье 405. В конце 2019 г., например, активист Серик Жахин был судим по Статье 405(2) за размещение информации о запрещённом ДВК на своей странице в Фейсбук.²³ Несколько месяцев до суда он содержался под стражей и в итоге был осуждён. Суд наложил на него штраф, один год ограничения свободы и двухлетний запрет на использование соцсетей и общественную деятельность.²⁴ В ноябре 2020 г. казахский суд таким же образом осудил преподавателя и активиста Нурбола

---

²⁰ Совет по правам человека, Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом, Док. ООН A/HRC/43/46/Add.1, 22 января 2020 г., пар. 22.

²¹ Там же, резюме.

²² Комитет ООН по правам человека, Заключительные замечания по второму периодическому докладу Казахстана, Док. ООН A/HRC/43/46/Add.1, 9 августа 2016 г., пар. 13.

²³ Международное партнёрство за права человека, «Казахстан: Ужесточение контроля над гражданским обществом: Постоянное преследование активистов по всей стране», 6 января 2020 г. Адрес <https://www.iphronline.org/Kazakhstan-a-tightening-grip-on-civil-society-ongoing-persecution-of-activists-across-the-country.html>.

²⁴ Государственный департамент США, «Доклад о положении в области прав человека в Казахстане за 2019 г.», март 2020 г., с. 15.

Онерхана по Статье 405(2)²⁵ за якобы членство в ДВК. Хотя Онерхан открыто критиковал правительство в соцсетях с 2019 года, он отрицал какие-либо связи с ДВК.²⁶ Его осудили на два года ограничения свободы.²⁷ В мае 2021 года его приговорили к шести месяцам лишения свободы за нарушение условий приговора.²⁸

Во многих подобных процессах по Статье 405, государственные эксперты играют значительную роль в оценке вменяемого обвиняемому участия в запрещённой организации. В мае 2020 г., например, блогер Азамат Байкенов был осуждён по Статье 405(2) за участие в деятельности ДВК. В поддержку приговора, обвинение представило ряд личных сообщений и посты в соцсетях, а также выводы государственных экспертов, которые признали, что посты Байкенова «формировали негативное отношение казахстанцев к власти и побуждали их к действиям, направленным на смену власти».²⁹ Байкенов утверждал, что ни один факт его принадлежности к ДВК или пропаганды его идей не был доказан, критиковал судью за отсутствие объективного изучения материалов и явную поддержку прокурору.³⁰ Судья приговорил Байкенова к одному году условно и уплате административного штрафа.³¹

В мае 2021 г. суд приговорил Абайбека Султанова к году ограничения свободы по Статье 405(2) Уголовного кодекса за вменяемое ему участие в деятельности Коше. Ему также запрещено в течение трёх лет заниматься общественно-политической деятельностью. Султанов рассказал Хьюман Райтс Уотч, что суд опирался на заключение государственного эксперта-филолога, проводившего экспертизу видео, которые Султанов разместил на своей странице в Фейсбук, и сделал заключение, что он участвует в Коше.³² В приговоре говорится, что общая направленность видео

²⁵ Гельмут Шольц, «Список лиц, подвергающихся преследованию по политическим мотивам и похищению активистов в Республике Казахстан на 29 сентября 2020 г.» Адрес <https://www.helmutscholz.eu/kontext/controllers/document.php/121.c/1/d1af9d.pdf>.

²⁶ Радио Свобода/Радио Свободная Европа, «Нет сожалений: казахский активист продолжает бороться несмотря на потерю свободы и работы за критику правительства», 27 февраля 2020 г. Адрес <https://www.rferl.org/a/kazakh-activist-onerkhan-jailed-loses-job-criticizing-government/30458306.html>.

²⁷ Хьюман Райтс Уотч, «Казахстан: Репрессии против критиков власти», 7 июля 2021 г.

²⁸ Радио Азаттык, «Активисту Нурболу Онерхану заменили ограничение свободы на тюремное заключение [Restriction of Freedom Replaced with Imprisonment for Activist Nurbol Onerkhan]», 4 мая 2021 г. Адрес <https://rus.azattyq.org/a/31237594.html>.

²⁹ Государственный департамент США, «Доклады о положении в области прав человека по странам 2020 г.: Казахстан», март 2021 г., с. 23.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Хьюман Райтс Уотч, «Казахстан: Репрессии против критиков власти», 7 июля 2021 г. См. также Фонд защиты прав человека, «Состоялось второе судебное заседание по политически мотивированному уголовному делу по Статье 405 часть 2 против гражданского активиста правозащитной группы 'Статья 14' Абайбека Султанова», 21 апреля 2021 г. Адрес <https://qaharman.fund/en/the-second-court-hearing-on-the-politically-motivated-criminal-case-under-article-405-part-2-against-the-civil-activist-and-human-rights-defender-of-the-human-rights-group-article-14-abaibek-sulta/>.

и постов Султанова определяется «как негативная оценка представителей власти».³³

Совсем недавно, в 2021 г., инициатива TrialWatch наблюдала за судом над активистом Асхатом Жексебаевым по Статье 405(1) и (2). Жексебаев был судим за вменяемое ему участие в партии Коше на основании «постов в Фейсбук и сообщений в Телеграм, которые побуждали к вступлению в оппозиционную партию и участию в митингах».³⁴ В ноябре 2021 г. Жексебаев был приговорён к пяти годам лишения свободы³⁵ после ущебного судебного разбирательства, в ходе которого «судья грозился отозвать лицензии у адвокатов, перебивал и затыкал рот другим подсудимым, и удалил из зала одного из адвокатов».³⁶

Преследование независимой журналистики

Власти практически искоренили независимую журналистику в Казахстане. Репортёры без границ (RSF) поставили Казахстан на 155 место из 180 в своём Индексе свободы прессы 2021 г., указав, что «власти в Казахстане «модернизируют методы репрессий» и в частности, усиливают контроль над интернетом». RSF сообщает также, что «блогеров бросают в тюрьмы или помещают в психиатрические клиники» (подробнее о помещении в психиатрические клиники ниже).³⁷ По данным Фридом Хаус, в 2020 г. «критикующие режим журналисты подвергались притеснениям в связи с их профессиональной деятельностью. За год несколько журналистов стали объектом уголовного преследования».³⁸

Подавление независимых СМИ началось свыше десятилетия назад. В декабре 2011 г. в городе Жанаозене правоохранители открыли огонь по бастующим нефтяникам и другим присутствовавшим, в результате чего 12 человек было убито и несколько десятков ранено. В последующие месяцы власти начали ряд судебных дел против СМИ, сообщавших о жертвах,³⁹ обвиняя их в «публикации информации, разжигающей социальную рознь и призывающей к свержению конституционного порядка».⁴⁰ Как и в других делах, прокуратура и суды опирались на заключения, подготовленные экспертами-филологами по заказу государства.⁴¹

³³ Хьюман Райтс Уотч, «Казахстан: Репрессии против критиков власти», 7 июля 2021 г.

³⁴ Фонд Клуни «За справедливость», «Пять лет лишения свободы за посты в Фейсбук в Казахстане», 23 ноября 2021 г. Адрес https://cfj.org/news_posts/five-year-prison-sentence-for-facebook-posts-in-Kazakhstan/.

³⁵ Id.

³⁶ Там же.

³⁷ Репортёры без границ, «Казахстан.» Адрес <https://rsf.org/en/Kazakhstan>.

³⁸ Фридом Хаус, «Свобода в мире в 2021 году: Казахстан.» Адрес <https://freedomhouse.org/country/Kazakhstan/freedom-world/2021#PR>.

³⁹ Хьюман Райтс Уотч, «Казахстан: Растущее подавление свободы слова», 13 декабря 2012 г. Адрес <https://www.hrw.org/news/2012/12/13/Kazakhstan-growing-crackdown-free-speech>.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

По данным Хьюман Райтс Уотч, к концу 2012 года власти закрыли «десятки» новостных источников.⁴² В 2013 и 2014 гг., было закрыто или приостановлено ещё 12 и семь источников соответственно.⁴³ Эта тенденция продолжилась и в 2015 г., с закрытием независимой новостной организации АДАМ бол (вместе с её правопреемником Адам, несколько месяцев спустя).⁴⁴ АДАМ бол обвинялся в нарушении конституции Казахстана путём «пропагандирования войны»⁴⁵ на основании опубликованного интервью с активистом, в котором тот призывал граждан Казахстана ехать на Украину для борьбы с российской оккупацией Крыма.⁴⁶

В 2016 году независимый новостной сайт Ratel.kz, совместно с Форбс Казахстан, опубликовал обвинения в коррупции против бывшего министра правительства Зейнуллы Какимжанова. После того, как Какимжанов написал жалобу, власти Казахстана обвинили оба источника в «распространении заведомо ложной информации» по Статье 274 Уголовного кодекса.⁴⁷ В марте 2018 г. казахский суд вынес постановление, которым заблокировал Ratel.kz и его аффилированные сайты.⁴⁸ Впоследствии, полиция провела обыски в помещениях Ratel.kz и Форбс Казахстан, изъяла электронику и банковские карты и задержала несколько сотрудников для опроса.⁴⁹ В мае 2018 г. в отдельном процессе по «правилам перерегистрации» суд наложил годовой запрет на сайт Ratel.kz и на использование его доменного имени на аффилированных веб-сайтах и запретил ряду бывших сотрудников публиковать контент на других сайтах «под названием Ratel.kz».⁵⁰

---

⁴² Хьюман Райтс Уотч, «Казахстанский журнал проиграл апелляцию на решение о закрытии», 27 февраля 2015 г. Адрес <https://www.hrw.org/news/2015/02/27/Kazakhstan-journal-loses-shutdown-appeal>.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Гардиан, «Одно за другим, Казахстан закрывает независимые СМИ», 8 июля 2015 г. Адрес <https://www.theguardian.com/world/2015/jul/08/Kazakhstan-media-crackdown-independent-press>; Международная амнистия, «Казахстан: Доклад в Комитет ООН по правам человека», 13 июня 2016 г. Адрес <https://www.amnesty.org/download/Documents/EUR5741222016ENGLISH.pdf>.

⁴⁵ Хьюман Райтс Уотч, «Казахстанский журнал проиграл апелляцию на решение о закрытии», 27 февраля 2015 г.

⁴⁶ Свобода выражения мнений, «Дело АДАМбол, независимой газеты Казахстана.» Адрес <https://globalfreedomofexpression.columbia.edu/cases/adam-bol/>.

⁴⁷ Хьюман Райтс Уотч, «Казахстан: Уголовное дело против двух независимых СМИ», 6 апреля 2018 г. Адрес <https://www.hrw.org/news/2018/04/06/Kazakhstan-criminal-probe-media-outlets>; Комитет защиты журналистов, «СРЖ присоединяется к призывам к Казахстану пересмотреть закон о фейковых новостях и отказаться об обвинений против критических СМИ», 18 мая 2018 г. Адрес <https://cpj.org/2018/05/cpj-joins-calls-for-Kazakhstan-to-revise-false-new/>.

⁴⁸ Хьюман Райтс Уотч, «Казахстан: Уголовное дело против двух независимых СМИ», 6 апреля 2018 г.

⁴⁹ Там же; Репортёры без границ, «Законы о фейковой информации не должны использоваться для затыкания рта СМИ в Казахстане», 22 мая 2018 г. Адрес <https://rsf.org/en/news/false-information-laws-must-not-be-used-silence-media-Kazakhstan>.

⁵⁰ Радио Свобода/Радио Свободная Европа, «Казахстан закрывает независимый новостной сайт», 28 мая 2018 г. Адрес <https://www.rferl.org/a/Kazakhstan-shuts-down-independent-news-site-ratel/29254964.html>.

Кроме судебных дел против новостных источников, власти приняли законодательство для ограничения независимой журналистики. В 2018 году, например, Закон о СМИ был изменён и теперь требует от журналиста получать согласие от лица на публикацию информации «личного, семейного, медицинского, банковского или коммерческого характера».⁵¹ Это изменение делает почти невозможным журналистское расследование коррупции – которое обычно связано с изучением личных и финансовых дел.⁵²

Репрессии правительства против СМИ распространяются на неформальных блогеров и пользователей соцсетей, которые подверглись уголовному преследованию за посты в онлайн.⁵³ В 2020 г. правозащитник и блогер Альнур Ильяшев был привлечён к ответственности по Статье 274 Уголовного кодекса Казахстана за «серию постов в Фейсбук, где правящая партия Nur Otan критиковалась за коррупцию и некомпетентность, в том числе при мерах реагирования, предпринятых в ответ на пандемию COVID-19».⁵⁴ Отчёт инициативы TrialWatch по этому делу, подготовленный Ваней Кошта Рамос и сотрудниками Центра по правам человека Американской ассоциации юристов, признал этот процесс, в результате которого Ильяшев был осуждён и приговорён к пятилетнему запрету на гражданскую и политическую деятельность, запятнанным нарушениями прав человека и прав на справедливый суд.⁵⁵

Как указывает Международная амнистия, такими уголовными процессами и другими мерами удушения власти обеспечили, чтобы «практически не было независимых печатных или интернет источников, работающих в Казахстане».⁵⁶

Карательная психиатрия

Правительство Казахстана применяет законодательство, допускающее принудительное помещение лиц в психиатрические клиники, для задержания активистов и журналистов, и это явление известно как «карательная психиатрия».⁵⁷

---

⁵¹ Дипломат, «Изменениями в закон о СМИ, Казахстан наносит удар свободе прессы», 3 января 2018 г. Адрес <https://thediplomat.com/2018/01/with-media-law-amendments-Kazakhstan-deals-a-blow-to-press-freedom/>.

⁵² Там же.

⁵³ Государственный департамент США, «Доклад о положении в области прав человека в Казахстане за 2019 г.», март 2020 г., с. 15-16.

⁵⁴ Американская ассоциация юристов, «Доклад о наблюдении за судом: Казахстан против Альнура Ильяшева», 11 марта 2021 г. Адрес https://www.americanbar.org/groups/human_rights/reports/trial-observation-report--Kazakhstan-v--alnur-ilyashev/.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Международная амнистия, «Подумай, прежде чем постить: Закрытие пространства соцсетей в Казахстане», 9 февраля 2017 г., с. 18. Адрес <https://www.refworld.org/pdfid/589c6cf44.pdf>.

⁵⁷ Прим.: также известно как «политическое злоупотребление психиатрией».

Помещение в психиатрические клиники – когда оно производится необоснованно и произвольно – является политическим инструментом государства для того, чтобы заставить замолчать протесты, подавить нежелательное поведение и дискредитировать источники критики.

Карательная психиатрия была распространённой практикой в бывшем Советском Союзе. Лица, которые не страдали психическими заболеваниями, но выражали какой-либо протест, принудительно помещались в психиатрические клиники, в том числе в учреждения закрытого типа.⁵⁸ Как правило, власти арестовывали диссидента по политическим обвинениям, например, «антисоветская агитация и пропаганда», и заказывали психиатрическую экспертизу.⁵⁹ После экспертизы, суд выносил решение о принудительном лечении в психиатрической клинике.⁶⁰ Те, кого туда помещали, обычно не были затем осуждены по вменяемым обвинениям; решения о принудительном лечении позволяли обойтись без судебных процессов в тех случаях, когда не было доказательств для обоснования обвинения.⁶¹ Хотя точных цифр нет, Хьюман Райтс Уотч полагает, что сотни диссидентов были подвергнуты такому лечению.⁶²

При этом помещение в психиатрическую клинику является особенно мощной формой лишения свободы, так как лишение лица дееспособности его посредством выходит за рамки лишения свободы, нейтрализуя сам источник протеста. Протестующие, подвергнутые тюремному заключению, могут становиться героями, борясь за своё дело, в то время как помещённые в психиатрическую клинику, как только их начнут воспринимать как «душевнобольных», несут на себе клеймо позора, и потому их игнорируют.⁶³ Сам протест становится симптомом, воспринимаемым в контексте стигматизированных перспектив тех, кто получил ярлык психически больного, или даже просто подозревается в психическом заболевании.⁶⁴

Карательная психиатрия по своему применению основана на ложном предлоге. Как отмечает специалист по психическим заболеваниям Майкл Перлин:

---

⁵⁸ Ричард Дж. Бонни, «Политическое злоупотребление психиатрией в Советском Союзе и Китае: Сложности и противоречия», Журнал Американской академии психиатрии и законодательства, 2002 г. Адрес <http://jaapl.org/content/jaapl/30/1/136.full.pdf>.

⁵⁹ См. там же; Хьюман Райтс Уотч, «Наследие злоупотребления психиатрией в СССР». Адрес <https://www.hrw.org/reports/pdfs/u/ussr/ussr2905.pdf>.

⁶⁰ См. там же.

⁶¹ См. там же.

⁶² Там же.

⁶³ Майкл Л. Перлин, «Международные права человека и сравнительное законодательство по психическим заболеваниям: Роль институциональной психиатрии в подавлении политического протеста», Серия Нью-Йоркской школы права по публичному праву и теории права, 2006 г., с. 76, 91, 96-97.

⁶⁴ Там же с. 76.

Я определяю наличие ложного предлога как способы, которыми суд принимает – либо имплицитно, либо прямо – нечестные показания и сходным образом сам выносит решения недобросовестным и зачастую показным образом, в особенности когда свидетели, в частности свидетели-эксперты, демонстрируют высокую склонность к намеренному искажению в своих показаниях для достижения желаемых целей». ⁶⁵

Практика карательной психиатрии сохраняется и в постсоветских государствах. Например, Узбекский форум по правам человека задокументировал принудительное психиатрическое лечение правозащитников в Узбекистане. В докладе Форума 2021 года, который указал семь случаев карательной психиатрии, отмечается:

так как принудительное психиатрическое лечение часто применяется в учреждениях, далёких от стороннего наблюдения или бдительного взора членов семьи, пациенты, имеющие инвалидность или нет, чрезвычайно подвержены злоупотреблениям. Более того, уклонение от ответственности за злоупотребления в психиатрических учреждениях проще, чем в традиционном уголовном аспекте, так как имеется склонность не верить сообщениям о злоупотреблении от лица, которое признано психически больным. ⁶⁶

В последние годы, власти Казахстана также неоднократно помещали правозащитников на принудительное психиатрическое лечение. Статья 279 Уголовно-процессуального кодекса Казахстана даёт судам право принудительно помещать в клинику подозреваемого в уголовном деле для целей наблюдения, «когда возникают сомнения по поводу их вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном процессе». ⁶⁷ По Статье 513 Уголовно-процессуального кодекса Казахстана, если подозреваемый представляет опасность для себя или других лиц, суд вправе поместить его в психиатрическую клинику в качестве «меры безопасности». При этом, Ст. 170 Кодекса Республики Казахстан «О здоровье народа и системе здравоохранения» предусматривает принудительные меры медицинского характера, в том числе наблюдение и лечение, «в отношении лица с психическим,

---

⁶⁵ Там же с. 74.

⁶⁶ Узбекский форум по правам человека, «Карательное помещение в психиатрическую клинику в Узбекистане», 21 сентября 2021. Адрес <https://www.uzbekforum.org/wp-content/uploads/2021/09/Punitive-Psychiatric-Detention-in-Uzbekistan.pdf>.

⁶⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан, Ст. 271(1)(4) – последний раздел Статьи 271 ссылается на Ст. 279 в случаях «необходимости проведения стационарной судебно-психиатрической экспертизы».

поведенческим расстройством (заболеванием), совершившего общественно опасные деяния». Комитет ООН по правам человека уже ранее поднимал вопрос принудительного помещения в психиатрическую клинику правозащитников в Казахстане.⁶⁸

Ярким примером является дело адвоката Зинаиды Мухортовой. В 2009 году Мухортова и ещё три человека направили коллективное обращение президенту Республики Казахстан, а также Общественной комиссии по борьбе с коррупцией, в связи с противоправными действиями депутата по вмешательству в гражданское дело.⁶⁹ В результате против всех четверых возбудили уголовное дело по факту «заведомо ложного доноса» по Статье 351 Уголовного кодекса.⁷⁰ В 2010 г. Зинаиду Мухортову заключили под стражу, где она прошла психиатрическое освидетельствование и получила диагноз «хроническое бредовое расстройство».⁷¹ Остальные трое обвиняемых были осуждены и получили условные сроки, а Мухортова была освобождена от уголовной ответственности и отправлена на принудительное лечение в Республиканскую психиатрическую больницу специализированного типа в поселке Актас.⁷²

Мухортова провела там девять месяцев – с января по сентябрь 2011 года. Зинаида Мухортова заявила, что во время пребывания в больнице на неё оказывали психологическое давление и применяли к ней физическое насилие, заставляли принимать таблетки, избивали, привязывали к койке, если она отказывалась.⁷³ В декабре 2011 г., через несколько месяцев после освобождения, её снова насильно поместили в местный психоневрологический диспансер на две недели.⁷⁴ В 2012 г. Мухортова подала заявление на «главного врача диспансера за незаконное психиатрическое задержание».⁷⁵ В том же году Мухортова получила независимое заключение о психическом здоровье от правозащитной организации, в котором устанавливалось, что она «не страдала и не страдает никакими психическими заболеваниями как в период вменяемых [преступных] действий, так и сейчас».⁷⁶

---

⁶⁸ Комитет ООН по правам человека, Список вопросов по второму периодическому докладу по Казахстану, Док. ООН ССРР/С/КАЗ/О/2/Add.1, 14 апреля 2016 г., Выпуск 15, пар. 90-92.

⁶⁹ Фондация Открытый диалог, «Дело Зинаиды Мухортовой: Правозащитница из Балхаша принудительно помещена в психиатрическую больницу», 19 августа 2013 г. Адрес <https://en.odfoundation.eu/a/1240,the-case-of-zinaida-mukhortova-a-human-rights-defender-from-balkhash-has-been-forcibly-admitted-to-a-psychiatric-hospital/>.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Хьюман Райтс Уотч, «Казахстан: Психиатрический диспансер для адвоката», 15 августа 2013 г. Адрес <https://www.hrw.org/news/2013/08/15/Kazakhstan-lawyer-forced-psychiatric-detention>.

⁷² Там же; Country of Origin Research and Information, «Тематический отчёт CORI Психическое здоровье; Казахстан», март 2014. Адрес <https://www.refworld.org/docid/539165d74.html>.

⁷³ Хьюман Райтс Уотч, «Казахстан: Психиатрический диспансер для адвоката», 15 августа 2013 г.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же.

В августе 2013 г. Мухортова вновь была отправлена на принудительное лечение в психоневрологический диспансер г. Балхаша по постановлению суда, явно в отместку за её жалобу на главного врача.⁷⁷ Она была освобождена в ноябре,⁷⁸ а затем «она не появлялась в родном городе, опасаясь, что ее могут снова отправить в диспансер».⁷⁹ Хотя Мухортова обжаловала решение первой инстанции о принудительном психиатрическом лечении, Верховный суд в мае 2014 года оставил это решение в силе.⁸⁰ Когда Мухортова рискнула вернуться домой в конце июня 2014 года, соскучившись по внукам, полицейские вновь увезли её в диспансер.⁸¹ Она была освобождена в декабре 2014 г.⁸²

В тот же период, когда Мухортова была помещена в клинику, Александр Харламов, журналист и правозащитник, открыто признающий себя атеистом, был обвинён в «сеянии религиозной розни» по Статье 174⁸³ за публикацию статьи на тему мировых религий и атеизма.⁸⁴ Харламов также часто говорил в блоге о коррупции в правительстве, включая злоупотребления полиции.⁸⁵ В апреле 2013 г. он был принудительно помещён в психиатрическое учреждение для наблюдения.⁸⁶ Харламов сказал, что следователи предприняли действия, «как только поняли, что их позиция шаткая».⁸⁷ В мае он был освобождён, признан психически здоровым и помещён под домашний арест.⁸⁸ В апреле 2018 г. власти закрыли дело против

---

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Country of Origin Research and Information, «Тематический отчёт CORI Психическое здоровье; Казахстан», март 2014 г.

⁷⁹ Хьюман Райтс Уотч, «Произвол, задержания и другие профессиональные риски в Казахстане», 9 июля 2014 г. Адрес <https://www.hrw.org/news/2014/07/09/dispatches-abuse-detention-occupational-hazards-Kazakhstan>.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же; Радио Свобода/Радио Свободная Европа, «Преследуемый казахский адвокат вновь помещена в психиатрическую клинику», 2 июля 2014 г. Адрес <https://www.rferl.org/a/mukhortova-rights-clinic-balkash-Kazakhstan/25442715.html>.

⁸² Радио Свобода/Радио Свободная Европа, «Преследуемый казахский адвокат вновь помещена в психиатрическую клинику», 2 июля 2014 г. Адрес <https://www.rferl.org/a/embattled-kazakh-lawyer-released-from-psychiatric-clinic/26746355.html>; Фридом Хаус, «Нации в переходном периоде 2015: Казахстан.» Адрес <https://freedomhouse.org/country/Kazakhstan/nations-transit/2015>.

⁸³ В то время обвинение было предъявлено по Статье 164, но здесь номер изменён для отражения существующего УК Казахстана, как говорилось выше.

⁸⁴ Хьюман Райтс Уотч, «Казахстан: Снять обвинения в возбуждении религиозной вражды», 21 мая 2013 г. Адрес <https://www.hrw.org/news/2013/05/21/Kazakhstan-drop-religious-incitement-charges>.

⁸⁵ Там же; Радио Свобода/Радио Свободная Европа, «Задержанный казахский корреспондент РСЕ/РС освобождён», 22 мая 2013 г. Адрес <https://www.rferl.org/a/Kazakhstan-rferl-correspondent-detained/24993590.html>; Country of Origin Research and Information, «Тематический отчёт CORI Психическое здоровье; Казахстан», март 2014 г.

⁸⁶ Радио Свобода/Радио Свободная Европа, «Задержанный казахский корреспондент РСЕ/РС освобождён», 22 мая 2013 г.

⁸⁷ Country of Origin Research and Information, «Тематический отчёт CORI Психическое здоровье; Казахстан», март 2014 г., с. 36.

⁸⁸ Там же.

Харламова, а затем казахский суд присудил ему финансовую компенсацию за принудительное помещение в психиатрическую клинику.⁸⁹

В другом примере, Ардак Ашим, оппозиционный активист и блогер, была арестована по обвинениям в «возбуждении социальной розни» по Статье 174 – хотя позже обвинение было изменено на оскорбление представителя власти по Статье 378 – в марте 2018 г. за серию постов в Фейсбук с критикой правительства. После ареста Ашим полиция заказала психиатрическую экспертизу.⁹⁰ После экспертизы, которая поставила Ашим диагноз «эпизодическая параноидальная шизофрения», суд постановил, что она должна быть принудительно помещена в психиатрическое учреждение.⁹¹ Ашим заявляла о плохом обращении персонала в клинике.⁹² Она была освобождена в мае 2018 г.⁹³ Вскоре после этого суд «постановил освободить её от ответственности», указав, что Ашим «находилась ‘в состоянии невменяемости’ в момент совершения преступления», и назначил «дополнительное амбулаторное лечение».⁹⁴ Ашим впоследствии уехала из Казахстана на Украину, чтобы «избежать второй принудительной госпитализации».⁹⁵

В апреле 2020 г. активист и член Коше Асанали Суюбаев был помещён в психиатрическую клинику на лечение после ареста за распространение листовок в поддержку партии Коше.⁹⁶ Он был задержан невзирая на отсутствие постановления суда.⁹⁷ При этом за день до задержания, Суюбаев призвал к освобождению другого

---

⁸⁹ Хьюман Райтс Уотч, «Казахстан: События 2018 г.», 2019 г. Адрес <https://www.hrw.org/world-report/2019/country-chapters/Kazakhstan>; Форум 18, «Больной раком освобожден, другие дела продолжают», 5 апреля 2018 г. Адрес https://www.Forum18.org/archive.php?article_id=2366.

⁹⁰ Международная амнистия, «Казахстан: Гражданский активист помещён в психиатрическую клинику: Ардак Ашим», 26 апреля 2018 г. Адрес <https://www.amnesty.org/en/wp-content/uploads/2021/05/EUR5782982018ENGLISH.pdf>.

⁹¹ Там же.

⁹² Фондация Открытый диалог, «Доклад: Список политзаключённых Казахстана и других жертв преследований по политическим мотивам» (обновлённый), 27 апреля 2018 г. Адрес https://en.odfoundation.eu/a/8625_report-the-list-of-Kazakhstani-political-prisoners-and-other-victims-of-politically-motivated-prosecution-updated/.

⁹³ Международное партнёрство за права человека, «Казахстан: Закрытие независимых СМИ и препятствия для мирных протестов», 17 июля 2018 г. Адрес <https://www.iphronline.org/Kazakhstan-closure-of-independent-media-and-peaceful-protests-hampered.html>.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Фондация Открытый диалог, «Украинская миграционная служба отказала в убежище жертвам политического преследования Жанаре Ахметовой и Ардак Ашим», 19 марта 2019. Адрес https://en.odfoundation.eu/a/9180_ukrainian-migration-service-denies-asylum-to-victims-of-political-persecution-zhanara-akhmetova-and-ardak-ashim/.

⁹⁶ Радио Свобода/Радио Свободная Европа, «Казахский активист помещён в психиатрическую клинику, адвокат предупреждает о наступлении на оппозицию перед голосованием», 22 декабря 2020 г. Адрес <https://www.rferl.org/a/kazakh-activist-suyubayev-psychiatric-clinic-opposition-sweep-election/31013916.html>; Казахстанское международное бюро по правам человека и соблюдению законности, «Асанали Оналбаевич Суюнбаев». Адрес <https://cv.bureau.kz/eng/cases/asanali.html>.

⁹⁷ CIVICUS, «Массовые ограничения на свободу выражения мнений во время КОВИД-19; Неожиданный запрет оппозиции» 24 августа 2020 г. Адрес

гражданского активиста из психиатрического стационара.⁹⁸ Суюбаев был освобождён в мае 2020 г., через два дня после подачи им иска о признании недействительным его помещения в клинику.⁹⁹

В декабре 2020 г. Суюбаев вновь был помещён в психиатрическую клинику после того, как его обвинили в срыве плакатов правящей партии Nur-Otan. Это произошло через несколько недель после выборов в парламент.¹⁰⁰ Суюбаев был освобождён 11 января 2021 г., на следующий день после выборов.¹⁰¹

Право на надлежащее отправление правосудия и право на справедливое судебное разбирательство

Международные и казахстанские организации поднимают вопросы об уважении Казахстаном прав на надлежащее отправление правосудия и справедливое судебное разбирательство. На досудебном этапе, как отмечает Фридом Хаус, «полиция, по нашей информации, занимается произвольными арестами и задержаниями, нарушая права задержанных подозреваемых на помощь защитника».¹⁰² В своём докладе 2020 г. о положении в области прав человека в Казахстане Государственный департамент США также отметил, что «возможности заключённых общаться со своими адвокатами ограничивались».¹⁰³ По информации Фридом Хаус, предварительное заключение часто является длительным.¹⁰⁴ Имеются сообщения о плохих условиях содержания, об отсутствии медицинской помощи и о физическом насилии.¹⁰⁵

<https://monitor.civicus.org/updates/2020/08/24/massive-restrictions-expression-during-covid-19-sudden-banning-peaceful-opposition/>.

⁹⁸ Казаслкое международное бюро по правам человека и верховенству закона, «Асанали Оналбаевич Суюбаев».

⁹⁹ Там же; Радио Свобода/Радио Свободная Европа, «Казахский активист помещён в психиатрическую клинику, адвокат предупреждает о наступлении на оппозицию перед голосованием», 22 декабря 2020 г.

¹⁰⁰ Радио Свобода/Радио Свободная Европа, «Казахский активист помещён в психиатрическую клинику, адвокат предупреждает о наступлении на оппозицию перед голосованием», 22 декабря 2020 г.; Международная кризисная группа, «Мировой обзор кризисных явлений», декабрь 2020 г.» Адрес <https://www.crisisgroup.org/crisiswatch/january-2021-alerts-and-december-trends-2020>.

¹⁰¹ Твиттер, пост Асанали Суюнбаева, 23 февраля 2021 г. Адрес в Твиттер <https://twitter.com/AssanaliSyubaev/status/1364151183485599748?s=20>; Твиттер, пост Human Rights Movement 405, 19 января 2021 г. Адрес

<https://twitter.com/hr405kz/status/1351599422610747399?s=20>; Твиттер, пост Qaharman, 14 января 2021 г. Адрес https://twitter.com/qaharman_kz/status/1349752608853008384?s=20.

¹⁰² Фридом Хаус, «Свобода в мире в 2021 году: Казахстан».

¹⁰³ Государственный департамент США, «Доклады о положении в области прав человека по странам 2020 г.: Казахстан», март 2021 г., с. 9.

¹⁰⁴ Фридом Хаус, «Свобода в мире в 2021 г.: Казахстан.»

¹⁰⁵ Там же; Радио Свободная Европа/Радио Свобода, «Казахские заключённые содержатся в переполненных камерах, переносят 'унизительные' условия во время карантина по коронавирусу», 14 сентября 2020 г. Адрес <https://www.rferl.org/a/kazakh-prisoners-packed-in-cells-endure-degrading-conditions-in-coronavirus-lockdown/30838547.html>; Комитет ООН по правам человека, Заключительные замечания по второму периодическому докладу Казахстана, Док. ООН

Независимость суда также под вопросом. Как отметил своём докладе 2020 г. Государственный департамент США: «Исполнительная власть ... жёстко ограничивала независимость суда... Прокуроры выполняли квазисудебные функции и обладали полномочиями откладывать исполнение судебных решений... Коррупция была очевидной на всех стадиях рассмотрения дел в судах».¹⁰⁶ В своих последних Заключительных замечаниях по Казахстану, Комитет ООН по правам человека отметил, что «Комитет по-прежнему обеспокоен... недостаточностью мер по обеспечению независимости судебной системы как в законодательном порядке, так и на практике», отметив недостаточность гарантий «от неправомерного вмешательства» со стороны исполнительной власти, а также весьма незначительное количество оправдательных приговоров.¹⁰⁷

Комитет далее отметил несоблюдение принципа равенства процессуальных возможностей сторон в судопроизводстве, указав, что «обвинение сохраняет за собой широкие полномочия в судебном разбирательстве по уголовным делам».¹⁰⁸ Государственный департамент США также указал на проблемы, с которыми сталкиваются адвокаты, включая «ограничение доступа к доказательствам государственного обвинения, частые процессуальные нарушения [и] отклонение ходатайств адвокатов защиты».¹⁰⁹ Суд над активистом Альнуром Ильяшевым, за которым наблюдал Центр по правам человека Американской ассоциации юристов в рамках инициативы TrialWatch, ярко показал эти проблемы. В докладе, подготовленном Экспертом инициативы TrialWatch Ваней Кошта Рамос и сотрудниками Центра по правам человека Американской ассоциации юристов, было выявлено, что судья «постоянно выносила необоснованные постановления в ущерб защите, что серьёзно подорвало способность А. Ильяшева выразить свою позицию по делу и нарушило гарантию беспристрастности суда», и осудила А. Ильяшева невзирая на недостаток доказательств, что нарушило презумпцию невиновности.¹¹⁰

В деле Ильяшева суд основывал своё решение почти исключительно на заключении эксперта-политолога от обвинения. Международные органы охарактеризовали вес, который государство придавало заключениям экспертов, как

CCPR/C/KAZ/CO/2, 9 августа 2016 г., пар. 31–32; Государственный департамент США, «Доклады о положении в области прав человека по странам 2020 г.: Казахстан», март 2021 г., с. 4-6.

¹⁰⁶ Государственный департамент США, «Доклады о положении в области прав человека по странам 2020 г.: Казахстан», март 2021 г., с. 11.

¹⁰⁷ Комитет ООН по правам человека, Заключительные замечания по второму периодическому докладу Казахстана, Док. ООН CCPR/C/KAZ/CO/2, 9 августа 2016 г., пар. 37.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Государственный департамент США, «Доклады о положении в области прав человека по странам 2020 г.: Казахстан», март 2021 г., с. 14.

¹¹⁰ Американская ассоциация юристов, «Отчёт о мониторинге: Казахстан против Альнура Ильяшева», 11 марта 2021 г.

вопрос равенства состязательных возможностей сторон процесса. Специальный докладчик ООН по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом, например, обеспокоена «чрезмерной ролью «судебных экспертов», и отметила, что то значение, которое придается анализу доказательств как таковому, «нарушает принцип равенства состязательных возможностей и имеет серьезные последствия для справедливого судебного разбирательства».¹¹¹

Именно на таком фоне происходил арест и суд над А. Утеповой.

В. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

Айгуль Утепова – известная в Казахстане независимый журналист-расследователь, которая работала на независимые онлайн источники *NewTimes.KZ* и *Saryagash Info*, и кроме того публиковала контент на своей странице в Фейсбук и на каналах YouTube, *Aigul TV*, у каждого из которых по 8000 подписчиков.¹¹² Репортажи Утеповой касались социальных и политических вопросов, включая реагирование правительства на эпидемию КОВИД-19.¹¹³

Обвинения в экстремизме

15 сентября 2020 г. против Утеповой было возбуждено дело по Статье 405(2) Уголовного кодекса на основании её предполагаемого участия в деятельности запрещённых оппозиционных партий ДВК и Коше.¹¹⁴ Как сказано выше, ДВК и Коше были признаны экстремистскими и запрещены Есильским районным судом города Нур-Султана соответственно 13 марта 2018 г. и 18 мая 2020 г.

В соответствии с обвинительным актом (вынесен 16 февраля 2021 г.), Утепова заведомо использовала свои страницы в соцсетях для распространения «агитационно-пропагандистских материалов» в поддержку партий ДВК и Коше.¹¹⁵ В

¹¹¹ Совет ООН по правам человека, Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом, Док. ООН A/HRC/43/46/Add.1, 22 января 2020 г., пар. 39.

¹¹² См. Международная амнистия, «Срочные действия: Блогер содержится в психиатрической больнице», 23 ноября 2020 г. Адрес <https://www.amnesty.org/en/documents/eur57/3375/2020/en/>; Комитет защиты журналистов, «Айгуль Утепова». Адрес <https://cpj.org/data/people/aigul-utepova>; Записи Наблюдателя, 20 апреля 2021 г.

¹¹³ См. Коалиция за женщин в журналистике, «Казахстан: Домашний арест журналистки Айгуль Утеповой препятствует её работе», 22 сентября 2020 г. Адрес <https://www.womeninjournalism.org/threats-all/kazakhstan-house-arrest-of-journalist-aigul-utepova-causes-impediment-of-her-work?q=kazakhstan>; Комитет защиты журналистов, «Айгуль Утепова».

¹¹⁴ Заместитель прокурора города Нур-Султан, Обвинительный акт, 16 февраля 2021 г.; Специализированный межрайонный следственный суд города Нур-Султана, Постановление № 7195-20-00-2-3m/6128, 11 ноября 2020 г.

¹¹⁵ Заместитель прокурора города Нур-Султан, Обвинительный акт, 16 февраля 2021 г..

обвинительном акте описываются основные цели ДВК и Коше как «формирование негативного образа власти, отдельных органов и должностных лиц, насильственный захват власти и изменение конституционного строя Республики Казахстан».¹¹⁶

В обвинительном акте перечисляется ряд действий, якобы совершённых Утеповой, в доказательство того, что она «активно участвует в деятельности экстремистских организаций»,¹¹⁷ в том числе:

1. В конце 2019 года во время празднования Нового 2020 года Утепова вышла в прямой эфир и сказала во время тоста, что надеется, что Мухтар Аблязов – сооснователь и лидер ДВК – сможет вернуться в Казахстан: а именно, «Мухтар ага, я буду молиться, чтобы обстоятельства сложились так чтобы вы вернулись домой (в Казахстан) на коне и со щитом! Чтобы всё было прекрасно! И ещё хотела сказать: Вы мне брат, а я Ваше оружие!»¹¹⁸ Аблязову было предоставлено политическое убежище во Франции, где он проживает в настоящее время.¹¹⁹
2. 14 января 2020 г. Утепова опубликовала в Фейсбук следующий пост: «Поэтому мой выбор – партия КОШЕ, что в переводе означает «Уличная» партия. Членом этой партии может [стать] каждый равнодушный гражданин».¹²⁰
3. 19 мая 2020 г. она шила головные уборы из пряжи, где присутствует логотип Коше, которые она якобы выставляла на продажу в соцсетях или дарила другим участникам организации. Затем она разместила фото, где она и другие носили эти уборы во время одной из акций протеста в прокуратуре района Сарыарка.¹²¹
4. 19 июля 2020 г. Утепова разместила в Фейсбук вопрос: «А если я скажу, что поддерживаю ДВК, кто-нибудь удивится?»¹²²
5. 6 августа 2020 г. Утепова призвала к акции в Фейсбук, заявив, «Уважаемые друзья! Я призываю всех на митинг завтра 7 августа в 10:00. Тема митинга: «Шал кет, иди нах...» Место проведения митинга: перед магазином «Домашний» на проспекте Абая – угол улицы Жубанова г. Нур-Султан. Организатор митинга Я».¹²³

---

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Ле Монд (Le Monde), «Франция предоставляет политическое убежище главному казахскому оппозиционеру», 5 октября 2020 г. Адрес https://www.lemonde.fr/international/article/2020/10/05/la-france-accorde-l-asile-politique-au-principal-opposant-kazakh_6054817_3210.html.

¹²⁰ Заместитель прокурора города Нур-Султан, Обвинительный акт, 16 февраля 2021 г..

¹²¹ Там же.

¹²² Там же.

¹²³ Там же.

6. 22 август 2020 г., Утепова вновь разместила пост в Фейсбук «Существует антивирус. И он называется ДВК». ¹²⁴
7. 12 сентября 2020 г., Утепова разместила пост в Фейсбук под заголовком «Уроки смелости и отваги от Аблязова». ¹²⁵
8. Утепова была членом и активной участницей группы «Коше Партиясы» в Telegram и WhatsApp. ¹²⁶

Обвинительный акт заключает, что «размещением подобных материалов Утепова ... демонстрирует, насколько она является приверженцем» и «систематично пропагандирует идеологическое воззрение» запрещённых движений, а также она «лояльно относится к их лидеру М. Аблязову». ¹²⁷ Примечательно, что хотя решение Есильского районного суда о запрете Коше вынесено 18 мая 2020 г., оно вступило в силу позднее (см. ниже).

Приходя к выводу, что Утепова нарушила Статью 405, обвинительный акт ссылается на «комплексную психолого-филологическую экспертизу» № 2378, которая «установила», что хотя в исследованных материалах не имеется «призывов к насильственному свержению или изменению конституционного строя либо к насильственному нарушению территориального единства и целостности территории», «присутствие ... критической информации ... приобретает дисфункциональный эффект – приводящий к формированию критического отношения к действующим органам власти». ¹²⁸ Как подробно изложено в обвинительном акте, в заключении эксперта указано, что «результатами психологического воздействия данных материалов может быть изменение состояния, мнения, мышления и поведения как у тех, кто уже согласен с её мнением», так и у «не обладающих достаточной долей критичности, самокритичности, либо предвзято относящихся к изложенной информации». ¹²⁹

Другие выводы эксперта: i) «присутствует сходство между содержанием представленных материалов и идеями экстремистских партий» ДВК и Коше; ii) в словах Утеповой (хотя и не призывающих к насильственному свержению правительства) содержатся призывы к нарушениям общественного порядка и «антиобщественным действиям», таким как митинги; и iii) материалы содержат признаки участия в них, но не организации этих движений. ¹³⁰

Арест и заключение под стражу

---

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Там же.

Утепова была арестована и заключена под стражу 17 сентября 2020 г., а её квартира была обыскана, причём полиция изъяла её телефон и компьютер. Протокол задержания, подготовленный следователем, указывал, что необходимо предварительное задержание Утеповой, так как она «может скрыться от органа досудебного расследования и суда» и «находясь на свободе, может «препятствовать объективному расследованию уголовного дела».¹³¹ 19 сентября следователь попросил для Утеповой домашний арест на два месяца – до 17 ноября – в качестве меры пресечения.¹³² В обоснование ходатайства следователь указал: «Принимая во внимание, что подозреваемая Утепова А.Д. подозревается в совершении преступления, предусмотренного статьёй 405 ч. 2 УК РК, санкция за которое предусмотрена до двух лет лишения свободы, в отношении неё может быть избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, [и] так как имеет постоянное место жительства в городе Нурсултан [с указанием, почему был избран домашний арест, а не заключение под стражу]».¹³³

Следственный судья Специализированного межрайонного следственного суда города Нур-Султана удовлетворил это ходатайство, учитывая «тяжесть подозрения и наличие постоянного места жительства» и тот факт, что Утепова «подозревается в умышленном преступлении небольшой тяжести [вновь указывая, почему избран домашний арест, а не досудебное заключение под стражу]».¹³⁴

После этого решения власти продолжали запрашивать продление домашнего ареста по ходу следствия, и все эти ходатайства были удовлетворены следственным судом, то есть Утепова оставалась под домашним арестом до начала суда и в течение всего процесса – всего семь с половиной месяцев. В этих постановлениях указывалось, что «обстоятельства и условия для применения домашнего ареста не изменились».¹³⁵ При этом в нескольких постановлениях суд

---

¹³¹ Следственное управление Департамента полиции г. Нур-Султан, Протокол задержания лица, подозреваемого в совершении уголовного преступления, 17 сентября 2020 г.

¹³² Следственное управление Департамента полиции г. Нур-Султан, Постановление об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста в порядке ст. 146 УПК РК, 19 сентября 2020 г.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Специализированный межрайонный следственный суд города Нур-Султана, Постановление № 7195-20-00-2-3м/5060, 20 сентября 2020 г.

¹³⁵ В частности, ходатайства о продлении Утеповой домашнего ареста были одобрены следственным судьёй Специализированного межрайонного следственного суда города Нур-Султана 16 ноября 2020 г. (с указанием, что «оснований для изменения на другой вид меры пресечения или отмены не имеется. На сегодняшний день обстоятельства и условия применения домашнего ареста не изменились, остались те же, что при санкционировании данной меры пресечения»); 9 декабря 2020 г. («принимая во внимание вышеизложенное, отсутствие обстоятельств, изменяющих условия прежней меры пресечения, тяжесть и общественную опасность подозрения, необходимость дальнейших следственных действий, суд приходит к выводу об обоснованности ходатайства»); 6 января 2021 г. («принимая во внимание вышеизложенное, отсутствие обстоятельств, изменяющих условия прежней меры пресечения, тяжесть и общественную опасность подозрения, необходимость дальнейших следственных действий, суд приходит к выводу об обоснованности ходатайства»); и 12 февраля 2021 г. («оснований для

указывал, что «исключительных обстоятельств, препятствующих нахождению подозреваемой под домашним арестом, судом не установлено».¹³⁶

В дополнение к домашнему аресту, в ходе следствия Утепова подверглась принудительному помещению в психиатрическую клинику. 23 сентября 2020 г. следователь постановил провести Утеповой «комплексную психолого-психиатрическую экспертизу».¹³⁷ По словам защитника, не было никаких признаков того, что Утепова страдала психосоциальным заболеванием.¹³⁸

Среди вопросов следователя экспертам были следующие:

Страдает ли Утепова А.Д. каким-либо психическим заболеванием, если да, то каким?

Не находится ли Утепова А.Д. во временно болезненном состоянии?

Имеются ли у испытуемой, Утеповой А.Д., признаки склонности ко лжи?

Не является ли Утепова А.Д. душевнобольным и не нуждается ли он в применении к нему принудительных мер медицинского характера?¹³⁹

Экспертиза Утеповой была проведена 28 октября 2020 г.¹⁴⁰ Эксперты-психиатры пришли к выводу, что

однозначно ответить на поставленные следователем вопросы не представляется возможным, в связи с ограниченным временем производства амбулаторной комплексной психолого-психиатрической экспертизы. Для более полного обследования психической деятельности Утеповой А.Д., проведение клинических и параклинических методов исследования, ЭПИ в динамике рекомендовано с целью обследования и выставления диагноза необходимостью её госпитализации в психиатрический стационар общего типа по месту жительства, с последующим предоставлением на амбулаторную судебную комплексную психолого-

---

изменения или отмены меры пресечения суд не находит, так как тяжесть подозрения и указанные выше обстоятельства остались прежними... [и] «лица, участвующие в деле, продолжают знакомиться с материалами дела»).

¹³⁶ См. Специализированный межрайонный следственный суд города Нур-Султана, Постановление № No. 7195-21-00-3т/50, 6 января 2021 г.

¹³⁷ См. Следственное управление Департамента полиции г. Нур-Султан, Ходатайство о продлении предварительного следствия, 7 декабря 2020 г; Институт судебных экспертиз по г. Нур-Султан, Заключение экспертов № 538, 28 октября 2020 г.

¹³⁸ Жалоба адвоката на назначение Утеповой психиатрической экспертизы.

¹³⁹ Институт судебных экспертиз по г. Нур-Султан, Заключение экспертов № 538, 28 октября 2020 г.

¹⁴⁰ Там же.

психиатрическую экспертизу с медицинской документацией из стационара.¹⁴¹

10 ноября 2020 г. следователь при поддержке прокурора просил суд поместить Утепову в психиатрическое учреждение для комплексной психолого-психиатрической экспертизы:¹⁴² Утепова якобы отказалась от дальнейшего обследования.¹⁴³ По Статье 271(4) УПК Казахстана, «назначение и производство экспертизы обязательны, если по делу необходимо установить... психическое или физическое состояние подозреваемого, ..., обвиняемого, когда возникают сомнения по поводу их вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном процессе». Статья 271 также предусматривает, что если «эксперт заявит о невозможности дачи заключения без проведения стационарной судебно-психиатрической экспертизы и помещения испытуемого на стационарное обследование», то обвиняемый может быть принудительно помещён на обследование. Статья 279 устанавливает порядок такого помещения, указывая, что «если производство судебной экспертизы в отношении лица предполагает проведение судебно-экспертных исследований в условиях стационара, то подозреваемый, потерпевший, свидетель могут быть помещены в медицинскую организацию на основании постановления о назначении экспертизы». Суд удовлетворил ходатайство обвинения о помещении Утеповой в медицинскую организацию 11 ноября, постановив поместить Утепову в психиатрический стационар до 11 декабря 2020 г.¹⁴⁴

Однако, вместо того, чтобы основать своё решение на необходимости проведения экспертизы в отношении Утеповой, суд постановил поместить Утепову в стационар в качестве меры безопасности.¹⁴⁵ По Статье 513 Уголовно-процессуального кодекса, «следственный судья с учетом характера заболевания, опасности лица для себя самого или окружающих лиц, рекомендации эксперта-психиатра принимает решение» о помещении лица в медицинскую организацию, оказывающей психиатрическую помощь, в качестве «меры безопасности». По словам защитника, это постановление суда означало, что с Утеповой обращались как с «опасной преступницей», в том числе, она содержалась под строгой охраной.

В ответ на жалобу на решение от 11 ноября, которую подал защитник, а также на ходатайство прокурора с указанием, что следственный суд ошибочно применил к

---

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Судебная коллегия по уголовным делам Суда города Нур-Султан, Постановление № 1am-1184/2020, 19 ноября 2020 г.

¹⁴³ Специализированный межрайонный следственный суд города Нур-Султана, Постановление № 7195-20-00-2-3m/6179, 16 ноября 2020 г.

¹⁴⁴ Там же; Специализированный межрайонный следственный суд города Нур-Султана, Постановление № 7195-20-00-2-3m/6128, 11 ноября 2020 г.

¹⁴⁵ Специализированный межрайонный следственный суд города Нур-Султана, Постановление № 7195-20-00-2-3m/6128, 11 ноября 2020 г.

Утеповой меры безопасности,¹⁴⁶ судья изменил решение и «исключил применение меры безопасности», постановив, что суд превысил запрос следователя.¹⁴⁷ Судья, однако, разрешил продолжить наблюдение за Утеповой и её обследование, а значит она вынуждена была оставаться в стационаре.¹⁴⁸ Утепова была выписана 11 декабря 2020 г.¹⁴⁹ Психиатрическая экспертиза, проведённая в стационаре, определила, что Утепова «психически здорова» и «не страдает психическим заболеванием».¹⁵⁰

В ходе следствия власти предприняли ряд мер наблюдения. 16 сентября 2020 г., Специализированный межрайонный следственный суд города Нур-Султана разрешил негласное аудио и видео наблюдение в доме Утеповой на один месяц. Это решение основывалось на мониторинге страницы Утеповой в Фейсбук, которая, согласно постановлению, содержала «деструктивные материалы против власти в РК, где частично намечается призывы к незаконному митингу».¹⁵¹ Второе постановление суда с разрешением на негласное аудио и/или видео наблюдение, идентичное первому, было выпущено 18 сентября 2020 г.¹⁵²

Судебный процесс

Прокурор подал официальное обвинение по Статье 405(2) 16 февраля 2021 г., а суд над Утеповой начался 15 марта 2021 г. в Районном суде №2 Сарыаркинского района города Нур-Султана.¹⁵³ Он проводился по Zoom. На заседании 15 марта, Утепова не признала вину и попросила судью на время процесса разрешить ей выходить из дома для прогулок по 5-10 минут, так как она оставалась под домашним арестом.¹⁵⁴ Судья ответил «отказать, так как это было уже рассмотрено ранее и суд не может поменять меру пресечения до окончательного решения по делу».¹⁵⁵ На том же заседании, защитник заявил, что запрет на Коше вступил в силу только 6 августа 2020 г., уже после вменяемых Утеповой действий, и попросил прокурора уточнить, когда вступил в силу запрет на Коше.¹⁵⁶ Судья заявил, что прокурор «имеет право уточнить в ходе судебного разбирательства».¹⁵⁷

---

¹⁴⁶ Судебная коллегия по уголовным делам Суда города Нур-Султан, Постановление № 1am-1184/2020, 19 ноября 2020 г.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Записи Наблюдателя, 15 марта 2021 г.

¹⁵⁰ Институт судебных экспертиз по г. Нур-Султан, Заключение экспертов № 735, 7 декабря 2020 г.

¹⁵¹ Специализированный межрайонный следственный суд города Нур-Султана, Постановление о проведении негласного аудио и(или) видеоконтроль лица или места (НСД-1), 16 сентября 2020 г.

¹⁵² Специализированный межрайонный следственный суд города Нур-Султана, Постановление о проведении негласного проникновения и(или) обследование места (НСД-6), 18 сентября 2020 г.

¹⁵³ Записи Наблюдателя, 15 марта 2021 г.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Там же.

25 марта, 2021 г., у защиты появились вопросы и замечания о нарушении процессуальности проведения следственных действий, включая снятие информации с ноутбука и телефонов без санкции суда.¹⁵⁸ В этой связи, защита просила допросить одного из ведущих следователей, Оспанова (полное имя не указано).¹⁵⁹ Защита также повторила, что прокурор обязан был сообщить дату запрета партии Коше.¹⁶⁰ Прокурор сообщил, что на следующем заседании предоставит.¹⁶¹

На заседании 5 апреля 2021 г., планировались выступления свидетелей. Первым вышел в онлайн следователь Багдаулет Максатулы, но отказался отвечать на какие-либо вопросы защитника и затем отключился.¹⁶² Суд не вмешался. Затем судья объявил, что Салтанат Толегеновна Барыкбаева, одна из психиатров, проводивших обследование, на основании которого Утепова была принудительно помещена в психиатрический стационар, не желала давать показания в суде.¹⁶³ Объяснения дано не было.

7 апреля 2021 г., защита допрашивала эксперта Еркеша Кубжанулы Кожбанхана, докторанта политологии.¹⁶⁴ Кожбанхан предоставлял политологический анализ вменяемых Утеповой действий в связи с комплексной экспертизой № 2378 (для которой также давали заключения эксперты психолог и филолог), в котором он заключил, что «в содержании представленных материалов содержатся высказывания и призывы к социальным волнениям, к смене политического режима в стране, которые подрывают социальное согласие и политическую стабильность, тем самым усугубляя социально-политическую ситуацию»; что «наблюдается преемственность материалов исследования и программных целей и задач экстремистских организаций 'ДВК' и 'Коше партиясы,' а также преемственность в формах и методах их деятельности, а также степени соорганизации»; и что Утепова лояльна к Аблязову.¹⁶⁵ Вопросы защиты были направлены на опыт Кожбанхана.¹⁶⁶ По существу заключения, Кожбанхан настаивал на своих выводах, сказав среди прочего: «Айгуль делала призывы за ДВК и была клевета государственных деятелей, что является составляющей экстремизма».¹⁶⁷

13 апреля 2021 г., защита допрашивала эксперта-политолога Багыш Ахметовну Габдуллину, которая давала заключение на раннем этапе следствия, где в том

---

¹⁵⁸ Записи Наблюдателя, 25 марта 2021 г.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Записи Наблюдателя, 5 апреля 2021 г.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Записи Наблюдателя, 7 апреля 2021 г.

¹⁶⁵ Заключение экспертов № 2378, 31 декабря 2020 г.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Там же.

числе признала, что «в содержание представленных материалов содержится высказывание и призывы к социальным волнениям, изменениям конституционного строя государства, которые подрывают социальное согласие и политическую стабильность, тем самым усугубляя социально-политическую ситуацию» и что «в материалах присутствуют пропагандистская деятельность идеи и символы 'ДВК' и 'Коше партиясы,' а также призыв к присоединению и организацию или участию в деятельность 'ДВК' и 'Коше партиясы'». ¹⁶⁸

В ответ на вопросы защиты о том, как она проводила анализ и на какие материалы опиралась, Габдуллина заявила, что не может ответить, так как она «вернула материалы следствию, которые были на бумажном носителе, поэтому я ничего не могу сказать». ¹⁶⁹ Когда её дальше спросили о методике, Габдуллина сказала: «Я вам ничего не скажу, так как у меня нет на руках материалов, которые я вернула в полицию». Защитник просил провести допрос этого свидетеля позже, чтобы она смогла посмотреть материалы и достаточно подготовиться к допросу. Суд отказал, велел защитнику задать свидетелю все нужные вопросы на этом заседании. ¹⁷⁰ Примечательно, что Габдуллина описала своё заключение как «первоначальное исследование», а не заключение, и сообщила, что защитила диссертацию по истории, а не политологии. ¹⁷¹

На вопросы прокурора о возможном влиянии онлайн-высказываний Утеповой, Габдуллина ответила, что они «могли вызвать резонанс ... в адрес государственной власти». ¹⁷² Когда защитник попросил Габдуллину уточнить более конкретно, она не ответила. ¹⁷³ Затем судья сообщил Габдуллиной, что она может отключаться. ¹⁷⁴

В заключение заседания, защита ходатайствовала о вызове в судебное заседание и допросе специалистов, которые проводили психиатрическую экспертизу 28 октября 2020 г., специалистов, которые проводили психиатрическую экспертизу 11 декабря 2020 г., эксперта-психолога и эксперта-филолога, которые проводили анализ для Заключения экспертов № 2378, и Оспанова И.А., одного из ведущих следователей. ¹⁷⁵ Суд отказал в ходатайстве, заявив: «Эксперты дали свои заключения, они оглашены в ходе судебных заседаний. Это приведет к необоснованному затягиванию судебного процесса. По поводу вызова опера обращайтесь в Департамент полиции». ¹⁷⁶

---

¹⁶⁸ Заключение политолога, 18 сентября 2020 г.

¹⁶⁹ Записи Наблюдателя, 13 апреля 2021 г.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Там же.

14 апреля 2021 г. суд ознакомился с протоколом осмотра, подготовленным Оспановым, причём защита обратила внимание на выводы Оспанова, что Утепова опубликовала критику и имелся «деструктивный настрой», спросив, где «граница деструктивности с критикой».¹⁷⁷ Судья сделал защитнику замечание, заявив, что возражения по поводу следственных действий защита может отразить в прениях.¹⁷⁸ Затем суд изучил аудиозаписи разговоров между Утеповой и другими лицами о «событиях в Республике Казахстан» и отношениях между оппозиционными активистами.¹⁷⁹

20 апреля 2021 г. давала показания Утепова.¹⁸⁰ Она показала, что разместила многие из обсуждаемых постов для того, чтобы лучше понять, в целях журналистского исследования, почему движения ДВК и Коше привлекают народ Казахстана, и назвала свои посты «завуалированный опрос».¹⁸¹ Относительно призыва на митинг, она показала, что пост был выдержан в шутовском формате – нет названия политических организаций, место проведения митинга было указано перед ларьком овощного магазина.¹⁸² По словам Утеповой, её целью было выяснить, отреагирует ли полиция на явно аполитичный и ненасильственный протест, и таким образом оценить, существует ли в Казахстане право на мирный протест.¹⁸³ Относительно поста «Уроки смелости от Аблязова», Утепова охарактеризовала его как скрытую критику рейдерского захвата Аблязовым народного движения Коше (Утепова заявила, что партия Коше изначально была «народным движением» и «прекрасным объединением гражданских активистов»), что видно из рисунков-карикатур на Аблязова, которые она включила в пост.¹⁸⁴ И наконец, Утепова показала, что принимала участие в праздновании Нового 2019 года, которое упоминается в обвинительном акте, не зная, что организован прямой эфир с Аблязовым, и что когда она произносила тост, в нём «не было названий политических организаций, не было призывов», а только «слова обычные, которые говорят на свадьбах».¹⁸⁵

28 апреля 2021 г. обвинение выступило с заключительной речью в прениях, отклонив заявления Утеповой, что она размещала материалы для целей журналистского исследования, и утверждая, что её «активное» участие в ДВК и Коше подтверждается указанными заключениями экспертов.¹⁸⁶ По версии

---

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ Записи Наблюдателя, 20 апреля 2021 г.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Там же.

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Записи Наблюдателя, 28 апреля 2021 г.

обвинения, публикации Утеповой «формируют протестные настроения своих слушателей и её поклонников». ¹⁸⁷ Обвинение просило суд назначить Утеповой наказание в виде ограничения свободы и запрета на общественно-политическую деятельность в соцсетях. ¹⁸⁸

По словам прокурора:

Никогда не понимал этих ДВКашников, протестующих против власти. Они всегда без мотива. Никогда не слышал, что они пошли где-то помогли в коммунальном хозяйстве, вывезли мусор, работали. У них нет мотивов и цели. Поэтому думаю ограничение свободы будет справедливым наказанием. Нет цели у этих партий. ¹⁸⁹

Защитник ответил, что критически относится к экспертам, которые «даже не знают своего предмета». ¹⁹⁰ Далее защитник заявил, что Утепову судят за работу как журналиста-аналитика и за выражение мнения, в нарушение её прав. ¹⁹¹

Приговор

29 апреля 2021 г. суд вынес приговор, признал Утепову виновной и приговорил её к «ограничению свободы сроком на 1 год, с установлением пробационного контроля, с лишением права заниматься общественно-политической деятельностью, в том числе с использованием СМИ и сетей телекоммуникации сроком на 2 года». ¹⁹² Утепова также была привлечена к «принудительному труду» на 100 часов. ¹⁹³

Как формулирует приговор, «заведомо зная, что в отношении «ДВК» и «Көше партиясы» имеются решения суда о признании их экстремистскими организациями, [Утепова] на территории города Нур-Султана активно участвовала в деятельности «ДВК» и «Көше партиясы». ¹⁹⁴ Приговор устанавливает, что решение о Көше вступило в действие 23 июня 2020 г., исключая таким образом описанные в обвинительном акте действия, совершённые до этой даты (например, вязание шапок), ¹⁹⁵ и ограничивая приговор постом о митинге; постом «А если я скажу, что поддерживаю ДВК, кто-нибудь удивится?»; постом «Существует антивирус. И он

---

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² Записи Наблюдателя, 29 апреля 2021 г.

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Районный суд №2 Сарыаркинского района города Нур-Султана, Приговор, 29 апреля 2021 г.

¹⁹⁵ Там же.

называется ДВК»; и постом «Уроки смелости и отваги от Аблязова».¹⁹⁶ В приговоре, однако, также упоминается тост Утеповой в Новый год.¹⁹⁷

Кроме самих постов, суд опирается на показания экспертов-политологов Габдуллиной и Кожбанхана и на Заключение экспертов № 2378, выводы которых приговор воспроизводит в полном объёме.¹⁹⁸ Также приговор считает «несостоятельными» доводы Утеповой, что она размещала посты о ДВК и Коше в составе журналистского исследования, заявляя, что Утепова «специального образования для занятия журналистской деятельностью не имеет».¹⁹⁹ В июне 2021 г. суд апелляционной инстанции отказал в жалобе Утеповой на приговор. Как и другие осуждённые по Статье 405, Утепова была занесена в список лиц, связанных с финансированием терроризма, и власти заблокировали ей доступ к её банковскому счёту на неопределённый срок.

---

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Там же.

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ Там же.

А. ЭТАП НАБЛЮДЕНИЯ

Инициатива TrialWatch, Фонда Клуни «За справедливость» направила наблюдателя на судебный процесс над Айгуль Утеповой в Районном суде №2 Сарыаркинского района города Нур-Султана. Процесс проходил по видеосвязи Zoom. Наблюдатель свободно владеет русским и казахским языками и мог понимать процесс. Наблюдатель не встретил никаких препятствий в подключении к видеосвязи и присутствовал на всём протяжении судебного процесса, который начался 15 марта 2021 г. и завершился вынесением приговора Утеповой 29 апреля 2021 г. (заседания проходили 15, 25, 29 марта и 5, 7, 13, 14, 24, 28 и 29 апреля).

В. ЭТАП ОЦЕНКИ

С целью оценить справедливость суда и присвоить ему оценку, эксперт TrialWatch Эва Сели ознакомилась с неофициальным переводом обвинительного акта и приговора, а также с анализом дела и политической и правовой обстановки в Казахстане, который был подготовлен инициативой TrialWatch. Доктор Сели выявила нарушения как материального, так и процессуального международного законодательства по правам человека, которые наблюдались при досудебном содержании под стражей, в судебном процессе, осуждении и приговоре Утеповой. Утепова была произвольно подвергнута задержанию и неправосудно осуждена в рамках законодательства, применяемого для того, чтобы заставить замолчать и наказать за свободу выражения мнений.

А. ПРИМЕНИМОЕ ПРАВО

Настоящий доклад опирается на следующие источники: Международный пакт о гражданских и политических правах (ICCPR), ратифицированный Казахстаном 24 января 2006 г.; практика и комментарии Комитета ООН по правам человека, как органа, которому поручено наблюдать за применением Пакта, и толковать его; и комментарии от Специальных процедур ООН. При этом Статья 4 Конституции Казахстана признаёт приоритет ратифицированных международных договоров над национальным законодательством.

В. НАРУШЕНИЯ НА СЛЕДСТВИИ И НА ДОСУДЕБНОМ ЭТАПЕ

Произвольное содержание под стражей

Статья 9(1) Международного пакта о гражданских и политических правах предусматривает: «Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть подвергнут произвольному аресту или содержанию под стражей».

Комитет ООН по правам человека отметил, что относительно содержания под стражей, понятие «произвольности» следует «толковать шире, включая в него элементы неприемлемости, несправедливости, непредсказуемости и несоблюдения процессуальных гарантий, наряду с элементами целесообразности, необходимости и соразмерности».²⁰⁰ Содержание под стражей до судебного разбирательства не только должно быть как можно более коротким, но содержание под стражей должно быть также «законным» (в соответствии с национальным законодательством) и «разумным и необходимым во всех отношениях».²⁰¹ Это означает, что досудебное содержание под стражей целесообразно лишь для ограниченного числа целей: например, для того, чтобы не допустить побег, препятствование сбору доказательств или повторение преступления.²⁰²

²⁰⁰ Комитет ООН по правам человека, Исмет Ёзчелик и др. против Турции, Док. ООН ССР/С/125/Д/2980/2017, 23 сентября 2019 г., пар.9.3.

²⁰¹ Комитет ООН по правам человека, Седеньо против Боливарианской Республики Венесуэла, Док. ООН ССР/С/106/Д/1940/2010, 4 декабря 2012 г., пар. 7.10.

²⁰² Комитет ООН по правам человека, Михаил Маринич против Беларуси, Док. ООН ССР/С/99/Д/1502/2006, 19 августа 2010 г., пар. 10.4.

Оценивая обоснованность и необходимость досудебного содержания под стражей, суды должны рассматривать этот вопрос «с учётом конкретных обстоятельств» обвиняемого.²⁰³ «Расплывчатые и широкие стандарты, такие как «общественная опасность», не соответствуют этому требованию.²⁰⁴ Ссылка на тяжесть обвинения также недостаточна. Как указывает Комитет, «содержание под стражей до суда не должно быть обязательным для всех обвиняемых в конкретном преступлении без учета индивидуальных обстоятельств».²⁰⁵

Суды должны дополнительно рассматривать вопрос о том, позволят ли альтернативы досудебному содержанию под стражей, такие как залог, электронные браслеты, «устранить необходимость в содержании под стражей в данном конкретном случае».²⁰⁶ При этом, если существуют исключительные обстоятельства, позволяющие назначить досудебное содержание под стражей, обвиняемый имеет право на периодическое возвращение к этому вопросу на предмет установления, остаётся ли содержание под стражей по-прежнему необходимым.²⁰⁷ Судья «должен принять решение об освобождении» обвиняемого «при отсутствии законных оснований для дальнейшего содержания под стражей».²⁰⁸

Задержание в отделении полиции

Утепова была арестована и задержана 17 сентября. Протокол задержания на 72 часа в соответствии с казахским законодательством указывал, что необходимо задержать Утепову, так как она «может скрыться от органа предварительного следствия и суда» и «находясь на свободе, может воспрепятствовать объективному расследованию уголовного дела».²⁰⁹ В этой оценке не было «оценки с учётом конкретных обстоятельств» Утеповой, а вместо этого протокол ссылался на расплывчатые заявления о риске побега и вмешательства. Кроме того, следователь совершенно очевидно не рассматривал альтернативы задержанию.

²⁰³ См. Комитет ООН по правам человека, Замечание общего порядка № 35, Док. ООН ССР/С/СР/С/35, 16 декабря 2014 г., пар. 38. См. также Комитет ООН по правам человека, Седеньо против Боливарианской Республики Венесуэла, Док. ООН ССР/С/СР/С/106/Д/1940/2010, 4 декабря 2012 г., пар. 7.10; Комитет ООН по правам человека, Ван Альфен против Нидерландов, Док. ООН ССР/С/СР/С/39/Д/305/1988, 23 июля 1990 г., пар. 5.8; Комитет ООН по правам человека, Михаил Маринич против Беларуси, Док. ООН ССР/С/СР/С/99/Д/1502/2006, 16 июля 2010 г., пар. 10.4; Комитет ООН по правам человека, Муконг против Камеруна, Док. ООН ССР/С/СР/С/51/Д/458/1991, 10 августа 1994 г., пар. 9.8.

²⁰⁴ Комитет ООН по правам человека, Замечание общего порядка № 35, Док. ООН ССР/С/СР/С/35, 16 декабря 2014 г., пар. 38.

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ Там же.

²⁰⁸ Там же. пар. 36.

²⁰⁹ Следственный отдел Департамента полиции г. Нур-Султан, Протокол задержания лица, подозреваемого в совершении уголовного правонарушения, 17 сентября 2020 г.

Таким образом, задержание Утеповой с 17 сентября по 20 сентября 2020 нарушило Статью 9 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Домашний арест

Домашний арест составляет лишение свободы для целей Статьи 9.²¹⁰ Соответственно, Комитет установил нарушение Статьи 9(1), когда власти не предоставили обоснования для назначения домашнего ареста,²¹¹ и нарушение Статьи 9(3), которая даёт обвиняемым право на суд в течение разумного срока либо освобождение от лишения свободы, если срок домашнего ареста превышает срок, на который власти способны представить адекватное обоснование.²¹²

Соответственно, в деле *Билаш против Казахстана*, Рабочая группа ООН по произвольным задержаниям постановила, что пятимесячный домашний арест правозащитника нарушил Статью 9(3):

постановление суда и решения о неоднократном продлении не были основаны на принятом в конкретном случае решении о том, что эти меры являются разумными и необходимыми с учетом всех обстоятельств для таких указанных в законе целей, как предупреждение побега, вмешательства в процесс сбора доказательств или рецидива преступления, и ... не было рассмотрено никаких альтернативных мер, таких как освобождение под залог, электронный браслет или другие условия, которые сделали бы содержание под стражей ненужным в данном конкретном случае.²¹³

В данном деле, 19 сентября 2020 г. следователь подал ходатайство о помещении Утеповой под домашний арест на два месяца – до 17 ноября 2020 г. – в качестве меры пресечения.²¹⁴ В обоснование ходатайства, следователь указал: «Принимая во внимания, что подозреваемая Утепова А.Д. подозревается в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 405 Уголовного кодекса Республики Казахстан, санкция за которое предусмотрена до двух лет лишения свободы, в

²¹⁰ Комитет ООН по правам человека, Замечание общего порядка № 35, Док. ООН CCPR/C/GC/35, 16 декабря 2014 г., пар. 5. См. также Комитет ООН по правам человека, Горжи-Динка против Камеруна, Док. ООН CCPR/C/83/D/1134/2002, 17 марта 2005 г, пар. 5.4.

²¹¹ См. Комитет ООН по правам человека, Аббаси против Алжира, Док. ООН CCPR/C/89/D/1172/2003, 28 марта 2007 г., пар. 8.3.

²¹² См. там же пар. 8.4.

²¹³ Рабочая группа ООН по произвольным задержаниям, Мнение № 43/2020 относительно Серикжана Билаша (Казахстан), Док. ООН A/HRC/WGAD/2020/43, 14 декабря 2020 г., пар. 64.

²¹⁴ Следственный отдел Департамента полиции г. Нур-Султан, Постановление о возбуждении ходатайства перед судом о санкционировании меры пресечения в виде домашнего ареста, 19 сентября 2020 г.

отношении неё может быть избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, так как имеет постоянное место жительства в городе Нур-Султан».²¹⁵

Следственный судья Специализированного межрайонного следственного суда города Нур-Султана впоследствии удовлетворил это ходатайство, основывая своё решение на «тяжести подозрения и наличии постоянного места жительства», и том, что Утепова «подозревается в умышленном преступлении небольшой тяжести».²¹⁶

Ни в ходатайстве следователя, ни в постановлении суда не содержится никакого обоснования, которое допускало бы лишение свободы: риск побега, риск совершения нового преступления, риск вмешательства в доказательства. Как указано выше, тяжесть обвинения не является основанием для лишения свободы. Более того, как представляется, суд извратил требование о том, что лишение свободы должно быть «необходимым», основывая избрание домашнего ареста на том факте, что Утепова «подозревается в умышленном преступлении небольшой тяжести», и указывая, что именно поэтому был избран домашний арест, а не досудебное содержание под стражей. Далее, как и в деле *Билаш*, «не было рассмотрено никаких альтернативных мер, таких как освобождение под залог, электронный браслет или другие условия, которые сделали бы содержание под стражей ненужным в данном конкретном случае».²¹⁷ Таким образом, содержание Утеповой под домашним арестом нарушило Статью 9.

Как указывалось выше, лишение обвиняемого свободы должно периодически пересматриваться судом, с целью обеспечить, чтобы оно не продолжалось свыше обоснованного срока. В деле Утеповой, обвинение запрашивало продление домашнего ареста по ходу предварительного следствия, и все эти запросы следственный суд одобрял без переоценки необходимости этой меры. Например, в последнем постановлении суд обосновал домашний арест тем, что защите нужно время на ознакомление с материалами дела, при отсутствии объяснения, почему это вызывает необходимость и дальше ограничивать свободу Утеповой. При этом в ряде постановлений суд указал также, что «исключительных обстоятельств, препятствующих нахождению подозреваемой под домашним арестом, судом не установлено».²¹⁸ Как и в первоначальном решении, суд извращает норму необходимости, возлагая на защиту бремя доказывания исключительных обстоятельств, которые позволили бы освободить Утепову, вместо того, чтобы

---

²¹⁵ Там же.

²¹⁶ Специализированный межрайонный следственный суд города Нур-Султана, Постановление № 7195-20-00-2-3м/5060, 20 сентября 2020 г.

²¹⁷ Рабочая группа ООН по произвольным задержаниям, Мнение № 43/2020 относительно Серикжана Билаша (Казахстан), Док. ООН А/НRC/WGAD/2020/43, 14 декабря 2020 г., пар. 64.

²¹⁸ Специализированный межрайонный следственный суд города Нур-Султана, Постановление № 7195-21-00-3м/50, 6 января 2021 г.

потребовать от обвинения доказать абсолютную необходимость домашнего ареста.

В итоге, Утепова находилась под домашним арестом вплоть до вынесения приговора 29 апреля 2021 г. – всего семь с половиной месяцев. В свете вышеизложенного, её содержание под домашним арестом нарушило Статью 9 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Кроме того, по причинам, обсуждаемым ниже, Статья 405(2), то обвинение, на котором основан домашний арест Утеповой, является расплывчатой в нарушение международных норм, делая лишение свободы Утеповой не только произвольным, но и незаконным.

Недобровольная госпитализация

Недобровольное помещение в психиатрическую клинику составляет лишение свободы для целей Статьи 9.²¹⁹ В данном деле, и законы, по которым была одобрена госпитализация Утеповой, и сама госпитализация, нарушили нормы, установленные Комитетом ООН по правам человека в отношении помещения в клинику, то есть лишение её свободы в психиатрической клинике является произвольным.

Законодательство Казахстана о принудительной госпитализации

Законы, которыми регулируется в Казахстане принудительное помещение в психиатрическую клинику, являются излишне широкими и применяются произвольно.

По Статье 271 УПК Казахстана, «назначение и производство психиатрической экспертизы подозреваемого, обвиняемого обязательны», «когда возникают сомнения по поводу их вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном процессе». Статья 271 также предусматривает, что «если эксперт заявит о невозможности дачи заключения без проведения стационарной судебно-психиатрической экспертизы и помещения испытуемого на стационарное обследование, то по уголовному делу в порядке, предусмотренном статьей 279 настоящего Кодекса, назначается стационарная судебно-психиатрическая экспертиза». Статья 279, таким образом, предусматривает помещение обвиняемого в стационар *просто на обследование*.

---

²¹⁹ Комитет ООН по правам человека, Замечание общего порядка № 35, Док. ООН CCPR/C/GC/35, 2014, пар. 5.

Статья 9 Международного пакта о гражданских и политических правах допускает недобровольное помещение в психиатрическую клинику только там, где существует угроза причинения вреда данному лицу или другим лицам. По мнению Комитета:

Наличие инвалидности само по себе не является основанием для лишения свободы; напротив, любое лишение свободы должно быть необходимым и соразмерным для цели защиты данного лица от серьёзного вреда или предотвращения причинения вреда окружающим. Лишение свободы может применяться лишь в качестве крайней меры и в течение как можно более короткого соответствующего периода времени, и должно подкрепляться надлежащими процессуальными и материальными гарантиями, установленными законом.²²⁰

Законодательство Казахстана, допуская госпитализацию чисто для целей наблюдения и обследования, противоречит Международному пакту о гражданских и политических правах.

Недобровольное помещение Утеповой в клинику

Как указано выше, недобровольная госпитализация уместна только если есть угроза нанесения вреда данному лицу или другим лицам:²²¹ для целей наблюдения она является излишней и несоразмерной.

Однако Утепова была госпитализирована исключительно для целей наблюдения, чтобы определить её психическое состояние: заключение экспертизы, на которое ссылался суд в оправдание госпитализации Утеповой, было неоднозначным, указав, что «однозначно ответить на поставленные следователем вопросы не представляется возможным» и что необходимо дальнейшее наблюдение.²²²

При этом, хотя суд, первоначально одобривший помещение Утеповой в стационар, сделал это в качестве меры безопасности, апелляция отменила это решение, прямо указав, что не было оснований помещать Утепову в стационар в

---

²²⁰ Там же пар. 19. См. также Комитет ООН по правам человека, Мухортова против Казахстана, Док. ООН ССРР/С/127/D/2920/2016, 10 декабря 2019 г., пар. 7.4. В частности, Конвенция о правах инвалидов, в интерпретации Комитета по правам инвалидов, «не допускает исключений, по которым лица могут быть задержаны на основании их реальной или предполагаемой инвалидности, даже если это считается необходимым для безопасности других лиц или здравоохранения».

²²¹ Например, Конвенция о правах инвалидов, в толковании Комитета по правам инвалидов, «не допускает исключений, по которым лица могут быть задержаны на основании их реальной или вменяемой инвалидности, даже если это представляется необходимым для безопасности других или охраны здоровья».

²²² Институт судебных экспертиз по г. Нур-Султан, Заключение экспертов № 538, 28 октября 2020 г.

качестве меры безопасности, и что это было необходимо только для наблюдения и обследования.²²³ Отменяя постановление о задержании Утеповой в качестве меры безопасности, суд признал, что не был выполнен – и даже не заявлялся – критерий опасности. Опять-таки, помещение в психиатрическую клинику на основании только лишь психического заболевания запрещено международным законодательством по правам человека. А в случае Утеповой, даже потенциальный ярлык душевнобольной не имел оснований, как обсуждается ниже.

Указанные выше факты отражают нарушение Статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Месть за осуществление прав

В целом, обстоятельства первоначального задержания Утеповой, домашний арест и недобровольная госпитализация дают основание полагать, что это была месть за осуществление охраняемых прав, то есть все три случая лишения свободы являются произвольными.

Комитет ООН по правам человека разъяснил, что «произвольными являются арест или содержание под стражей в наказание за законное осуществление прав, в соответствии с Пактом, включая право на свободу мнений и их свободное выражение (статья 19), свободу собраний (статья 21), свободу ассоциации (статья 22).»²²⁴ Рабочая группа ООН по произвольным задержаниям также считает, что произвольное задержание происходит из «законного осуществления прав человека, например, арест мирных протестующих просто за осуществление прав на свободу выражения мнения, свободу собраний и свободу ассоциаций».²²⁵ Рабочая группа ООН «применяет повышенный стандарт в делах, где ограничивается свобода слова и выражения мнения или в которых участвуют правозащитники».²²⁶

В деле *Елшибаев против Казахстана*, Рабочая группа ООН признала произвольным задержание правозащитника, когда власти как представляется действовали в ответ на организацию обвиняемым мирных митингов и

---

²²³ Судебная коллегия по уголовным делам Суда города Нур-Султана, Постановление № 1am-1184/2020, 19 ноября 2020 г.

²²⁴ Комитет ООН по правам человека, Замечание общего порядка № 35, Док. ООН CCPR/C/GC/35, 2014, пар. 17, 53.

²²⁵ Рабочая группа ООН по произвольным задержаниям, Пересмотренные факты № 26, 8 февраля 2019 г. Адрес <https://www.ohchr.org/Documents/Issues/Detention/FactSheet26en.pdf>.

²²⁶ Рабочая группа ООН по произвольным задержаниям, Мнение № 5/2021 относительно Ержана Елшибаева (Казахстан), Док. ООН A/HRC/WGAD/2021/5, пар. 60. См. также Рабочая группа ООН по произвольным задержаниям, Мнение № 43/2020 относительно Серикжана Билаша (Казахстан), Док. ООН A/HRC/WGAD/2020/43, 14 декабря 2020 г., пар. 59.

осуществление им своего права на свободу выражения, в том числе открытую критику тогдашнего президента в речи, загруженной в Youtube.²²⁷

Первоначальное задержание и дальнейший домашний арест Утеповой также основывались на осуществлении прав, охраняемых Международным пактом о гражданских и политических правах: а именно, ненасильственное политическое выражение мнения. Протокол задержания подчёркивает, что она «с личной интернет-страницы распространяет материалы, пропагандирующие деятельность 'ДВК'».²²⁸ Впоследствии, ходатайство следователя о назначении домашнего ареста, удовлетворённое судом, указывает:

Таким образом, Утепова А.Д., осуществляя репост материалов, содержание которых направлено *на формирование протестного настроения в обществе и побуждения к политическому неповиновению*, распространяющее идеологию запрещённого движения 'ДВК' и 'Коше Партиясы.'

Размещение такого рода материалов на собственных интернет-страницах свидетельствует об идентичности мировоззренческих позиций Утеповой А.Д. и идеологией экстремистских, запрещённых движений 'ДВК' и 'Коше Партиясы.' С точки зрения политологической науки, *пропаганда является одним из основных средств политической манипуляции, которая побуждает людей совершать определённые действия или принимать требуемое мнение* [выделено нами].²²⁹

Соответственно, действия, на которых основано обвинение по Статье 405, перечисленные в обвинительном акте прокурора, - это те случаи, в которых Утепова публиковала ненасильственный политический комментарий о Коше и ДВК в соцсетях, и одна ситуация, когда она призывала к протесту, без всякого упоминания или указания на насилие. Учитывая отсутствие доказательств чего бы то ни было сверх обычного политического анализа и активизма – который власти назвали «формированием протестного настроения в обществе и поощрения политического неповиновения», задержание и домашний арест Утеповой были основаны на осуществлении ею права на свободу слова и выражения мнения, права на мирные собрания и права на свободу ассоциаций (эти права подробно анализируются ниже). Это сделало задержание и домашний арест Утеповой свободой

---

²²⁷ Рабочая группа ООН по произвольным задержаниям, Мнение № 5/2021 относительно Ержана Елшибаева (Казахстан), Док. ООН A/HRC/WGAD/2021/5, пар. 4, 5, 60.

²²⁸ Следственный отдел Департамента полиции г. Нур-Султан, Протокол задержания лица, подозреваемого в совершении уголовного правонарушения, 17 сентября 2020 г.

²²⁹ Следственный отдел Департамента полиции г. Нур-Султан, Постановление о возбуждении ходатайства перед судом о санкционировании меры пресечения в виде домашнего ареста, 19 сентября 2020 г.

произвольным, в нарушение Статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Недобровольное помещение Утеповой в клинику также было произвольным. Не было никаких доказательств, что Утепова когда-либо страдала психическим заболеванием, так что вполне вероятно, что реальная причина – не дать ей осуществить свои права и наказать её за политический комментарий.

Во время помещения Утеповой в клинику, она не проходила никакое психиатрическое лечение и не состояла на учёте в психиатрической клинике.²³⁰ Более того, один из вопросов следователя специалистам был: «Страдает ли Утепова А.Д. каким-либо психическим заболеванием, если да, то каким?»²³¹ Из этого вопроса видно отсутствие конкретных доказательств того, что Утепова страдает психическим заболеванием.

Первая экспертиза не нашла доказательств психического заболевания, указав на необходимость дополнительной экспертизы.²³² Впоследствии, экспертиза, проведённая во время пребывания Утеповой в психиатрическом стационаре, пришла к заключению, что Утепова «психически здорова» и «каким-либо психическим заболеванием не страдает».²³³

Кроме бездоказательности психического расстройства, процесс полон и других нарушений.

Первое, характер и длительность госпитализации должны быть обоснованно связаны с её задачей. В данном случае, принудительное помещение в стационар на целый месяц было не нужно для проведения экспертизы, которая завершилась за один день.

Второе, вопросы, которые задали следователи экспертам, проводившим экспертизы 28 октября и 7 декабря, продемонстрировали непонимание структуры оценки психического состояния обвиняемого лица, сливая воедино различные задачи такой оценки, искажая процедуры, направленные на защиту обвиняемого, в ущерб Утеповой, показав этим полную необоснованность последующей госпитализации Утеповой.

Несколько вопросов, например, касались психического состояния Утеповой в общем, например, вопрос «Страдает ли Утепова А.Д. каким-либо психическим заболеванием, если да, то каким?» и «Каков уровень интеллектуального волевого психического развития или социально-психологических черт подозреваемого

²³⁰ Жалоба адвоката на назначение Утеповой психиатрической экспертизы

²³¹ Институт судебных экспертиз по г. Нур-Султан, Заключение экспертов № 538, 28 октября 2020 г.

²³² Там же.

²³³ Институт судебных экспертиз по г. Нур-Султан, Заключение экспертов № 735, 7 декабря 2020 г.

Утеповой А.Д.»²³⁴ Эти вопросы были широкими и пробными, ведь никаких доказательств психического заболевания ранее не было. Другие вопросы касались психического состояния Утеповой во время вменяемого ей преступления, например, «Не находилась ли Утепова А.Д. в состоянии физиологического аффекта в момент совершения преступления?» и «Учитывая индивидуально-психологические особенности испытуемой Утеповой А.Д., и содержание исследуемой ситуации, могла ли она понимать характер и значение совершаемых своих действий?»²³⁵

Эти вопросы не играют никакой роли на этапе следствия. Ссылка на невменяемость является положительным аргументом и потому может выдвигаться только защитой во время суда. Вопросы о психическом состоянии Утеповой во время «преступления» ярко показывают подход, основанный на презюмировании вины ещё до справедливого суда с необходимой защитой в виде механизмов для надлежащего отправления правосудия.

Ещё один набор вопросов касался психического состояния Утеповой в связи со следствием и судом, например, «Можно ли проводить с Утеповой А.Д. следственные действия?»²³⁶ и «Способна ли она давать показания?»²³⁷ Краеугольные принципы способности предстать перед судом - это справедливость и честность. Несправедливо судить недееспособного обвиняемого, и такие действия угрожают честности судебной системы и системы права. Таким образом, в интересах всех сторон – обвинения, защиты и суда – чтобы обвиняемый был способен понимать судебный процесс и значимо участвовать в своей защите. В данном деле, однако, вопросы выдвигались как предлог для задержания и дискредитации Утеповой, а не для того, чтобы установить её способность участвовать в процессе. Этот предлог особенно очевиден, поскольку заявленной целью экспертизы была оценка способности Утеповой участвовать в суде, но при этом лишь один вопрос (или его часть) был обращён к составляющим этой способности.

Между тем вопрос о том, имеет ли Утепова склонность ко лжи,²³⁸ заданный экспертизе 28 октября, явно выходил за рамки психиатрического исследования и был недопустим с клинической и юридической точки зрения.

В отношении других нарушений, как указано выше, постановление суда о принудительном помещении Утеповой в стационар было вынесено как мера

---

²³⁴ Институт судебных экспертиз по г. Нур-Султан, Заключение экспертов № 538, 28 октября 2020 г.; Институт судебных экспертиз по г. Нур-Султан, Заключение экспертов № 735, 7 декабря 2020 г.

²³⁵ Там же.

²³⁶ Институт судебных экспертиз по г. Нур-Султан, Заключение экспертов № 538, 28 октября 2020 г.

²³⁷ Институт судебных экспертиз по г. Нур-Султан, Заключение экспертов № 735, 7 декабря 2020 г.

²³⁸ Институт судебных экспертиз по г. Нур-Султан, Заключение экспертов № 538, 28 октября 2020 г.

безопасности,²³⁹ то есть Утепова рассматривалась как «опасная преступница» в психиатрическом стационаре, в том числе содержалась под охраной. Как отмечается в решении апелляционной инстанции, для этой меры не было оснований, и она не соответствовала первоначальному ходатайству следствия.²⁴⁰

Эти нарушения, в сочетании с отсутствием доказательств психического расстройства и вместе с документально подтвержденной практикой карательной психиатрии в Казахстане, указывают на то, что госпитализация Утеповой была мстостью за её комментарии в соцсетях, то есть является произвольной по Статье 9. Следственные и судебные процедуры, которые привели к её помещению в стационар, были с начала до конца основаны на ложном предлоге, и нацелены не на защиту казахского гражданина или на поддержание казахской правовой системы, но на достижение желаемого итога: подавить протест.

Право на неприкосновенность личной жизни

В деле Утеповой, власти Казахстана предприняли меры наблюдения, которые не соответствовали Международному пакту о гражданских и политических правах. Статья 17(1) Международного пакта о гражданских и политических правах предусматривает, что «никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность его жилища или тайну его корреспонденции». Любое вмешательство в это право: i) должно быть подкреплено законом,²⁴¹ который «должен быть достаточно доступным, четким и однозначным»;²⁴² и ii) должно быть необходимым для достижения законной цели и адекватным ей.²⁴³

Следует руководствоваться обширной практикой Европейского суда по правам человека по негласному наблюдению. Статья 8 Европейской конвенции, как и Статья 17 Международного пакта о гражданских и политических правах, охраняет право на неприкосновенность личной жизни, которая, по толкованию Европейского суда, налагает аналогичные ограничения.²⁴⁴

²³⁹ Специализированный межрайонный следственный суд города Нур-Султана, Постановление № 7195-20-00-2-3m/6128, 11 ноября 2020 г.

²⁴⁰ Судебная коллегия по уголовным делам Суда города Нур-Султан, Постановление № 1am-1184/2020, 19 ноября 2020 г.

²⁴¹ См. Комитет ООН по правам человека, Замечание общего порядка № 16: Статья 17 (Право на неприкосновенность личной жизни), 8 апреля 1988 г., пар. 3.

²⁴² См. Доклад Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека, «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век», Док. ООН A/HRC/27/37, 30 июня 2014 г., пар. 23.

²⁴³ Там же. См. также Комитет ООН по правам человека, Замечание общего порядка № 16: Статья 17 (Право на неприкосновенность личной жизни), 8 апреля 1988 г., пар. 4, 7–8.

²⁴⁴ Это право может нарушаться только если оно i) предписано законом; и ii) необходимо в демократическом обществе для законной цели, содержащейся в Конвенции, то есть эта мера преследует «важную социальную задачу» и соразмерна достигаемой законной цели. См.

Применяя эти нормы, Суд признал, что меры тайного наблюдения могут допускаться «при наличии обоснованного подозрения против данного лица, в частности, имеются ли фактические признаки для того, чтобы подозревать данное лицо в планировании, совершении или в уже совершённых преступных действиях или иных действий, которые могут дать основание для мер тайного наблюдения».²⁴⁵ Кроме того, санкционирующий орган должен оценить, является ли это вмешательство необходимым и может ли он достигнуть своей цели менее ограничительными средствами, то есть без тайного наблюдения.²⁴⁶

В своём решении 2017 года по делу *Дудченко против России*, Европейский суд изучил санкционированный судом перехват телефонных звонков подозреваемого в ходе следствия по уголовному делу в России. Суд установил, что санкционируя перехват телефонных звонков на 180 дней, российский суд не принял во внимание необходимое требование о «необходимости» и «соразмерности», прежде чем санкционировать наблюдение, и конкретно не продемонстрировал нецелесообразность альтернатив, ограничившись «расплывчатым и необоснованным» утверждением, что «представляется невозможным получить информацию, необходимую для выявления противоправной деятельности [заявителя] путём скрытого расследования».²⁴⁷ По мнению Суда, такое объяснение было «недостаточным» в свете серьёзности вмешательства в право подозреваемого на неприкосновенность личной жизни.²⁴⁸ Это, в сочетании с тем фактом, что суд не убедился в наличии «обоснованного подозрения» для уголовного обвинения, привело к нарушению Статьи 8, по мнению Европейского Суда.²⁴⁹

В настоящем деле, 16 сентября 2020 г. Специализированный межрайонный следственный суд города Нур-Султана санкционировал применение негласного аудио и/или видеонаблюдения в жилище Утеповой на месяц. Это решение было основано на наблюдении за страницей Утеповой в Фейсбук, которая описывается в постановлении как содержащая «деструктивные материалы против власти в Республике Казахстан, где частично намечается призывы к незаконному митингу»

Европейский суд по правам человека, *Даджен против Соединённого Королевства*, Жалоба № 7525/76, 22 октября 1981 г., пар. 51–53. См. также Европейский суд по правам человека, *Роман Захаров против России*, Жалоба № 47143/06, 4 декабря 2015 г., пар. 227.

²⁴⁵ См. Европейский суд по правам человека, *Захаров против России*, Жалоба № 47143/06, 4 декабря 2015 г., пар. 260.

²⁴⁶ Европейский суд по правам человека, *Захаров против России*, Жалоба № 47143/06, 4 декабря 2015 г., пар. 260.

²⁴⁷ Европейский суд по правам человека, *Дудченко против России*, Жалоба № 37717/05, 7 ноября 2017 г., пар. 98.

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ Там же пар. 99–100.

и потому «имеющий состав преступления по ст. 405 УК РК».²⁵⁰ Второе постановление суда, санкционирующее негласное аудио и/или видеонаблюдение, идентичное первому, было вынесено 18 сентября 2020 г.²⁵¹

Кроме утверждения, что Утепова является подозреваемой по Статье 405, постановления не содержат оценки, почему это наблюдение необходимо и соразмерно, а также не рассматривают целесообразность альтернатив вместо инвазивного аудио и видеонаблюдения в жилище Утеповой. Более того, эти постановления просто копируют ходатайство следователя, а в шапке содержится утверждение следственного судьи, то есть никакого анализа не было изначально. В свете явного отсутствия оценки судом необходимости и соразмерности этого наблюдения, суд нарушил Статью 17 Международного пакта о гражданских и политических правах.

В частности, на заседании 24 апреля 2021 г. обвинение представило аудиозаписи телефонных разговоров между Утеповой и другими лицами о «событиях в Республике Казахстан» и отношениях между лидерами оппозиции и активистами, которые, как представляется, были получены мерами тайного наблюдения.²⁵²

C. НАРУШЕНИЯ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

Право на вызов и допрос свидетелей

Международные нормы

Принцип равенства состязательных возможностей сторон, охраняемый Статьей 14(1) Международного пакта о гражданских и политических правах, требует, чтобы «каждой стороне была предоставлена возможность оспорить все доводы и доказательства, представленные другой стороной».²⁵³ Комитет ООН по правам человека установил нарушения Статьи 14(1) в случаях, когда суды без объяснений отказывали в ходатайствах о вызове свидетелей.²⁵⁴ В качестве применения принципа равенства состязательных возможностей сторон, Статья 14(3)(е) Международного пакта о гражданских и политических правах увековечивает право, что каждый обвиняемый в уголовном преступлении имеет право «на вызов и допрос

²⁵⁰ Специализированный межрайонный следственный суд города Нур-Султана, Постановление о проведении негласного аудио и(или) видеоконтроль лица или места (НСД-1), 16 сентября 2020 г.

²⁵¹ Специализированный межрайонный следственный суд города Нур-Султана, Постановление о проведении негласного проникновения и(или) обследование места (НСД-6), 18 сентября 2020 г.

²⁵² Записи Наблюдателя, 14 апреля 2021 г.

²⁵³ Комитет ООН по правам человека, Замечание общего порядка № 32, Док. ООН CCPR/C/GC/32, 23 августа 2007 г., пар. 13.

²⁵⁴ См. Комитет ООН по правам человека, Еврезов и другие против Беларуси, Док. ООН CCPR/C/112/D/1999/2010, 25 ноября 2014, пар. 8.9; Комитет ООН по правам человека, Хомидова против Таджикистана, Док. ООН CCPR/C/81/D/1117/2002, 29 июля 2004 г., пар. 6.5.

его свидетелей на тех же условиях, какие существуют для свидетелей, показывающих против него». По словам Комитета ООН по правам человека, «данная гарантия имеет важное значение для обеспечения эффективной защиты обвиняемыми и их защитниками и тем самым обвиняемым гарантируются те же самые юридические полномочия требовать присутствия свидетелей и допрашивать или подвергать перекрёстному допросу любых свидетелей, имеющих у обвинения».²⁵⁵ Статья 14(3)(е) не предоставляет неограниченного права на привлечение к участию в процессе любого свидетеля, а предоставляет право на допуск свидетелей, имеющих значение для защиты,²⁵⁶ если они заявлены своевременно в соответствии с процессуальными требованиями.²⁵⁷

В деле *Аллабердыев против Узбекистана*, Комитет рассматривал дело, в котором обвиняемый был судим и приговорён за преступления в связи с наркотиками.²⁵⁸ Защита просила вызвать в том числе лиц, которые вели следствие, и лиц, которые, по утверждению обвиняемого, подбросили ему наркотики.²⁵⁹ Хотя эти свидетели имели центральное значение для версии защиты о том, что дело сфабриковано, суд отказал в этой просьбе, посчитав эти показания не имеющими отношения к делу.²⁶⁰ Комитет установил нарушение Статьи 14(3)(е).²⁶¹ Аналогично, в деле *Саидов против Таджикистана*, Комитет установил нарушение Статьи 14(3)(е) когда суд, «заявив, что запрошенные свидетели слишком близки с обвиняемым и заинтересованы в исходе дела», не дал обвиняемому вызвать 11 свидетелей.²⁶² При этом, право на вызов и допрос свидетелей распространяется и на экспертов,²⁶³ а также офицеров полиции, участвующих в расследовании.²⁶⁴ В отношении полицейских отчётов, приобщённых в доказательство, защита как вправе оспаривать как содержание отчёта, так и доверие к готовившим его лицам.²⁶⁵

---

²⁵⁵ Комитет ООН по правам человека, Замечание общего порядка № 32, Док. ООН ССРР/С/ГС/32, 23 августа 2007 г., пар. 39.

²⁵⁶ Комитет ООН по правам человека, Саидов против Таджикистана, Док. ООН ССРР/С/122/Д/2680/2015, 20 сентября 2018 г., пар. 9.6.

²⁵⁷ Комитет ООН по правам человека, Джонсон против Испании, Док. ООН ССРР/С/86/Д/1102/2002, 27 марта 2006 г., пар. 6.5; Комитет ООН по правам человека, Замечание общего порядка № 32, Док. ООН ССРР/С/ГС/32, 23 августа 2007 г., пар. 39.

²⁵⁸ Комитет ООН по правам человека, Сирождидин Аллабердыев против Узбекистана, Док. ООН ССРР/С/119/Д/2555/2015, 18 мая 2017 г., пар. 2.1–2.21.

²⁵⁹ Там же пар. 3.5.

²⁶⁰ Там же пар. 8.7–8.9.

²⁶¹ Там же пар. 8.8–8.9.

²⁶² Комитет ООН по правам человека, Саидов против Таджикистана, Док. ООН ССРР/С/122/Д/2680/2015, 20 сентября 2018 г., пар. 9.6.

²⁶³ См. Комитет ООН по правам человека, Пустовалов против Российской Федерации, Док. ООН ССРР/С/98/Д/1232/2003, 10 мая 2010 г., пар. 8.4.

²⁶⁴ См. Европейский суд по правам человека, Буткевич против России, Жалоба № 5865/07, 13 февраля 2018 г., пар. 98; Европейский суд по правам человека, Юрек и Юрек против Турции, Жалоба № 74845/12, 30 июля 2019 г., пар. 50.

²⁶⁵ Европейский суд по правам человека, Буткевич против России, Жалоба № 5865/07, 13 февраля 2018 г.

При толковании Статьи 14(3)(е), Комитет установил нарушения не только когда суды отказывали в вызове заявленных защитой свидетелей без достаточных оснований,²⁶⁶ но и когда суды без достаточных оснований досрочно прекращали перекрёстный допрос защитой свидетелей обвинения,²⁶⁷ а также когда обвинение представляло сделанные за пределами суда заявления ключевых свидетелей, но при этом не предоставило этих свидетелей для перекрёстного допроса защиты.²⁶⁸ В этой связи, обвиняемый как правило не может быть осуждён на основании доказательств, которые не было возможности оспаривать.²⁶⁹

Вызов свидетелей

В настоящем деле, суд отказал защите в многочисленных ходатайствах о вызове необходимых свидетелей без достаточных оснований. В конце заседания 13 апреля, например, защита попросила суд вызвать эксперта-психолога и эксперта-филолога, которые соответственно сделали анализ постов Утеповой для Заключения экспертов № 2378, и Оспанова, одного из ведущих следователей.²⁷⁰ Суд отказал в ходатайстве, постановив: «Эксперты дали свои заключения, они оглашены в ходе судебных заседаний. Это приведет к необоснованному затягиванию судебного процесса. По поводу вызова опера обращайтесь в Департамент полиции».²⁷¹

Что касается экспертов, их показания имели очень важное значение: ведь на Заключении экспертов № 2378, в котором сделан вывод, что посты Утеповой квалифицируются как участие в деятельности запрещённой организации – которое, как говорилось выше, оспаривалось – держалась позиция обвинения, и потому для защиты было жизненно необходимо получить возможность оспорить методику и

²⁶⁶ Комитет ООН по правам человека, Сирожиддин Аллабердыев против Узбекистана, Док. ООН ССРР/С/119/Д/2555/2015, 18 мая 2017 г., пар. 8.9; Комитет ООН по правам человека, Ю.М. против Российской Федерации, Док. ООН ССРР/С/116/Д/2059/2011, 13 мая 2016 г., пар. 9.9; Комитет ООН по правам человека, Дугин против Российской Федерации, Док. ООН ССРР/С/81/Д/815/1998, 5 июля 2004 г., пар. 9.3; Комитет ООН по правам человека, Хомидова против Таджикистана, Док. ООН ССРР/С/81/Д/1117/2002, 29 июля 2004 г., пар. 6.5; Комитет ООН по правам человека, Ларраньяга против Филиппин, Док. ООН ССРР/С/87/Д/1421/2005, 24 июля 2006 г., пар. 7.7.

²⁶⁷ Комитет ООН по правам человека, Ларраньяга против Филиппин, Док. ООН ССРР/С/87/Д/1421/2005, 24 июля 2006 г., пар. 7.7. См. также Европейский суд по правам человека, Пичугин против России, Жалоба № 38623/03, 23 октября 2012 г., пар. 172, 210-212 (установлено нарушение права на вызов и допрос свидетелей, когда судья жёстко ограничивал и удалял вопросы, относящиеся к доверию ключевому свидетелю).

²⁶⁸ См. Комитет ООН по правам человека, Ю.М. против Российской Федерации, Док. ООН ССРР/С/116/Д/2059/2011, 13 мая 2016 г., пар. 9.9; Комитет ООН по правам человека, Роуз против Филиппин, Док. ООН ССРР/С/84/Д/1089/2002, 25 июля 2005 г., пар. 7.5; Комитет ООН по правам человека, Дугин против Российской Федерации, Док. ООН ССРР/С/81/Д/815/1998, 5 июля 2004 г., пар. 9.3.

²⁶⁹ См. Комитет ООН по правам человека, Морель против Франции, Док. ООН ССРР/С/36/Д/207/1986, 28 июля 1989, пар. 9.4. См. также Европейский суд по правам человека, Кречмар и другие против Чешской Республики, Жалоба № 35376/97, 3 июня 2000 г., пар. 38-40, 45.

²⁷⁰ Записи Наблюдателя, 13 апреля 2021 г.

²⁷¹ Там же.

квалификацию экспертов. Таким образом, отказ суда в ходатайстве защиты был ничем не обоснован. В частности, мотивировка суда, что заявления экспертов уже были озвучены в суде, прямо противоречит тому принципу, что авторы ключевых заявлений, представляемых обвинением, должны быть подвергнуты перекрёстному допросу защиты.

Дополнительная мотивировка о том, что допрос экспертов затянет процесс, также несостоятельна: ходатайство защиты было представлено на четвёртом заседании, суд на тот момент шёл менее месяца, и на тот момент были допрошены только двое свидетелей. Учитывая, что само следствие длилось около шести месяцев, и что Утепова уже находилась под домашним арестом семь месяцев, ссылка суда на сроки несостоятельна.

Аналогично, отказ суда направить повестку Оспанову был необоснованным. Как отмечалось выше, офицеры полиции, участвующие в расследовании, могут быть вызваны свидетелями. В деле Утеповой, оперативник Оспанов участвовал в следственных действиях и участвовал в подготовке первоначального рапорта об «экстремистских» постах Утеповой в соцсетях. Защита указала, что планирует допросить Оспанова о том, почему он посчитал посты Утеповой в соцсетях нарушением Статьи 405,²⁷² а также о ряде мер тайного наблюдения, предпринятых для снятия информации с телефона и компьютера Утеповой, которые, по утверждению защиты, были предприняты без постановления суда.²⁷³ Эти показания относились бы к основным аргументам защиты: что комментарий Утеповой не составлял участия в деятельности запрещённой организации и что в любом случае, следственные действия были незаконными. Указание суда, данное без какого-либо пояснения, чтобы защита сама обращалась в департамент полиции, фактически является отказом в вызове важного свидетеля. Таким образом, суд нарушил Статью 14(3)(e).

Отказ свидетелей от дачи показаний

Европейский суд указывает, что «отказ свидетеля стороны обвинения отвечать на вопросы подсудимого может негативно сказаться на самой сути права подсудимого

---

²⁷² Там же.

²⁷³ Записи Наблюдателя, 25 марта 2021 г. При этом 29 марта защита просила вызвать следователя Калжанова, который готовил обвинительный акт для суда и заказал экспертизу, по которой составлено заключение № 2378. Вновь, показания Калжанова относились к основному вопросу, составляли ли действия Утеповой участие в запрещённой организации, в особенности учитывая, что он мог бы объяснить основание и формулировку ряда вопросов, заданных экспертам, дав таким образом важную информацию, которую защита могла бы использовать для проверки достоверности заключения. Хотя 29 марта суд удовлетворил это ходатайство, Калжанов в суд так и не явился.

на оспаривание показаний и допрос свидетеля».²⁷⁴ Хотя в ряде случаев может существовать «достаточное основание» для отказа отвечать на вопросы, например, обращение к праву не свидетельствовать против себя или опасений о безопасности,²⁷⁵ «немотивированный отказ» обязывает суд предпринять все необходимые меры, чтобы обеспечить соблюдение принципов состязательного производства и равенство состязательных возможностей сторон».²⁷⁶ В деле *Пичугин против России*, например, суд рассматривал дело, где свидетель обвинения при перекрёстном допросе отказался отвечать на вопросы, но не привёл «причин».²⁷⁷ Судья не предупредил свидетеля об «уголовной ответственности за отказ от дачи показаний» и не дал «объяснения, почему [свидетель] может быть освобождён от обязанности отвечать на вопросы», просто заявив, что свидетель «вправе не отвечать».²⁷⁸ Европейский суд, ссылаясь на «неоправданное позволение председательствующей судьи [свидетелю] не отвечать на вопросы защиты, «установил нарушение права на вызов и допрос свидетелей».²⁷⁹

В настоящем деле, суд позволил свидетелям обвинения отказаться давать показания или не отвечать на вопросы защиты, не напомнив свидетелям об обязанности давать показания и не предупредив их об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний или не объяснив, почему свидетели «вправе не отвечать».

Первое, на заседании 5 апреля 2021 г., следователь Максатулы – который в том числе санкционировал задержание Утеповой на 72 часа, подал ходатайство о домашнем аресте и подал ходатайство о негласном наблюдении в её квартире – вышел в онлайн, но отказался ответить на все вопросы защитника без какого-либо объяснения.²⁸⁰ Суд не вмешался. Второе, также 5 апреля 2021 г., суд объявил, что Салтанат Толегеновна Барыкбаева, одна из психиатров, проводивших обследование, на основании которого Утепова была принудительно помещена в психиатрический стационар, не пожелала давать показания в суде.²⁸¹ Объяснения дано не было.

---

²⁷⁴ Европейский суд по правам человека, *Пичугин против России*, Жалоба № 38623/03, 23 октября 2012 г., пар. 202.

²⁷⁵ См. там же пар. 203; Европейский суд по правам человека, *Аль Хавайя и Тахири против Соединённого Королевства*, Жалобы №. 26766/05 и 22228/06, 15 декабря 2011 г., пар. 120.

²⁷⁶ Европейский суд по правам человека, *Пичугин против России*, Жалоба № 41596/13, 23 октября 2012 г., пар. 204. См. также Европейский суд по правам человека, *Брейер против Нидерландов*, Жалоба № 38623/03, 3 июля 2018 г., пар. 32-33.

²⁷⁷ Европейский суд по правам человека, *Пичугин против России*, Жалоба № 38623/03, 23 октября 2012 г., пар. 201, 203.

²⁷⁸ Там же пар. 201, 204.

²⁷⁹ Там же пар. 205.

²⁸⁰ Записи Наблюдателя, 5 апреля 2021 г.

²⁸¹ Там же.

Третье, 13 апреля 2021 г. эксперт-политолог Габдуллина также отказалась отвечать на вопросы защиты. Габдуллина предоставила заключение на раннем этапе расследования, сделав вывод, в том числе, что «содержание представленных материалов содержит высказывание и призывы к социальным волнениям, изменениям конституционного строя государства, которые подрывают социальное согласие и политическую стабильность, тем самым усугубляя социально-политическую ситуацию».²⁸²

В ответ на вопросы защиты о том, как она проводила анализ и на какие материалы она опиралась, Габдуллина заявила, что не может ответить, так как «вернула материалы следствию, которые были на бумажном носителе, поэтому я ничего не могу сказать».²⁸³ Когда её дальше спросили о методике, Габдуллина сказала: «Я вам ничего не скажу, так как у меня нет на руках материалов, которые я вернула в полицию».²⁸⁴ Защитник попросил о новом допросе этого свидетеля позднее, чтобы она могла лучше подготовиться. Суд не только отказал в этом ходатайстве, лишив защиту возможности провести эффективный перекрёстный допрос, но и, как и в случае со следователем Максатулы и экспертом Барыбаевой, не потребовал от Габдуллиной ответить на вопросы защиты и не объяснил, почему она вправе отказаться отвечать.²⁸⁵

Всё это отражает тот факт, что суд не исполнил свою обязанность «принять все необходимые меры для соблюдения принципов состязательности и равноправия сторон»²⁸⁶ в ответ на «немотивированный отказ» отвечать на вопросы, в нарушение Статьи 14(3)(е).

Право на равенство состязательных возможностей сторон (Использование государственных экспертов)

Как указано выше, принцип равенства состязательных возможностей сторон, гарантированный Статьёй 14(1) Международного пакта о гражданских и политических правах, требует, чтобы «каждой стороне была предоставлена возможность оспорить все доводы и доказательства, представленные другой стороной».²⁸⁷ Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите

---

²⁸² Заключение политолога, 18 сентября 2020 г.

²⁸³ Записи Наблюдателя, 7 апреля 2021 г.

²⁸⁴ Там же.

²⁸⁵ Там же.

²⁸⁶ Европейский суд по правам человека, Пичугин против России, Жалоба № 41596/13, 23 октября 2012 г., пар. 204. См. также Европейский суд по правам человека, Брейер против Нидерландов, Жалоба № 38623/03, 3 июля 2018 г., пар. 32-33.

²⁸⁷ Комитет ООН по правам человека, Замечание общего порядка № 32, Док. ООН CCPR/C/GC/32, 23 августа 2007 г., пар. 13.

прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом высказал обеспокоенность в связи с тем, что власти Казахстана слишком полагаются на

чрезмерную роль «судебных экспертов», в особенности тех из них, кто выносит заключения по вопросам теологии, филологии и политики как на досудебном, так и на судебном этапах процессов по делам об экстремизме и терроризме. Уголовные обвинения в экстремизме зачастую возбуждаются исключительно на основании заключений экспертов, необходимая квалификация, независимость и нейтралитет которых не подтверждены. ... По мнению Специального докладчика, то значение, которое придается анализу доказательств как таковому, нарушает принцип равенства состязательных возможностей и имеет серьезные последствия для справедливого судебного разбирательства.²⁸⁸

Дело против Утеповой является примером такой «чрезмерной» роли. Кроме постов Утеповой в соцсетях, обвинительный акт опирается исключительно на Заключение экспертов № 2378, и цитирует его выводы в полном объеме.²⁸⁹ Приговор идёт тем же путём, основывая приговор почти исключительно на показаниях экспертов Кожбанхана и Габдуллиной, а также на Заключении экспертов № 2378, которое обширно цитируется.²⁹⁰

Как говорилось выше, защитник задал массу вопросов о методике Габдуллиной, отмечая, что её двухстраничное заключение не содержит никакого анализа или объяснения источников.²⁹¹ Габдуллина отказалась отвечать на вопросы о материалах, на которых она основывала свой анализ, заявив в какой-то момент, что её заключение является «предварительным анализом», а не мнением или заключением. Тем не менее, приговор ссылается на заключение и показания Габдуллиной в обоснование приговора,²⁹² и опять-таки, это единственное материальное доказательство кроме Заключения экспертов № 2378 и показаний Кожбанхана.

При этом, Кожбанхан был всего лишь докторантом третьего года по политологии,²⁹³ а Габдуллина, которая давала заключение в качестве эксперта-политолога на следствии, написала диссертацию по истории. Более того, защите

²⁸⁸ Совет ООН по правам человека, Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом, A/HRC/43/46/Add.1, 22 января 2020 г., пар. 39.

²⁸⁹ Заместитель прокурора города Нур-Султан, Обвинительный акт, 16 февраля 2021 г.

²⁹⁰ Районный суд №2 Сарыаркинского района города Нур-Султана, Приговор, 29 апреля 2021 г.

²⁹¹ Записи Наблюдателя, 13 апреля 2021 г.

²⁹² Районный суд №2 Сарыаркинского района города Нур-Султана, Приговор, 29 апреля 2021 г.

²⁹³ Записи Наблюдателя, 7 апреля 2021 г.

отказали в перекрёстном допросе двух экспертов помимо Кожбанхана, которые готовили экспертное заключение № 2378.

Некритичная опора суда на выводы государственных экспертов, особенно с учётом существенных вопросов к их существу и к квалификации экспертов, а также тот факт, что ряд экспертов не были подвергнуты перекрёстному допросу, подрвали принцип равенства состязательных возможностей сторон.

Право быть судимым беспристрастным судом

Ведение этого судебного процесса порождает серьёзные сомнения в беспристрастности суда.

Статья 14(1) Международного пакта о гражданских и политических правах гарантирует каждому «справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона». Беспристрастность имеет два аспекта: «Во-первых, судьи не должны допускать, чтобы их решения принимались под воздействием личной заинтересованности в исходе дела или предубеждения, и не испытывать предвзятости в отношении рассматриваемого ими конкретного дела и не действовать таким образом, чтобы это неоправданно способствовало интересам одной из сторон в ущерб для другой стороны. Во-вторых, суд обязан также представлять как беспристрастный в глазах разумного наблюдателя».²⁹⁴

Комитет ООН по правам человека постановил, что принятие необоснованных решений может нарушать Статью 14(1). В деле *Хостикоев против Таджикистана* Комитет обнаружил нарушение Статьи 14(1) из-за постановлений, которые препятствовали подготовке эффективной защиты, например «игнорирование возражений [адвоката]» и «отказ в возможности дополнительно представить соответствующие доказательства».²⁹⁵

Несколько особенностей суда над А. Утеповой указывают на то, что суд не был беспристрастен.

Первое, неоднократный отказ суда в ходатайствах защиты о вызове ключевых важных свидетелей, в том числе экспертов, которые формировали основание для Заключения № 2378, необоснованно ставил в невыгодное положение защиту. Второе, отказ суда предпринять какие-либо действия в ответ на действия

²⁹⁴ Комитет ООН по правам человека, Замечание общего порядка № 32, Док. ООН CCPR/C/GC/32, 23 августа 2007 г., пар. 21 [внутренние ссылки опущены].

²⁹⁵ Комитет ООН по правам человека, Тошев против Таджикистана, Док. ООН CCPR/C/101/D/1499/2006, 28 апреля 2011 г., пар. 6.6.

свидетелей, которые отказались отвечать на вопросы или давать показания, также ставил защиту в невыгодное положение.

Третье, суд не выполнил обязательство активно обеспечивать справедливость процесса. Как говорилось выше, хотя обвинительный акт перечислял восемь деяний, которыми Утепова якобы нарушила Статью 405(2), вплоть до 2019 года,²⁹⁶ суд постановил, что решение по Коше вступило в силу 23 июня 2020 г., и указал, что он будет рассматривать только четыре деяния, совершённые после этого.²⁹⁷ Тем не менее, Заключение экспертов № 2378, на которое опирался обвинительный приговор, было основано на всех деяниях, перечисленных в обвинительном акте, в том числе тех, которые суд посчитал не относящимися к делу.²⁹⁸ Суд не предпринял никаких действий в противовес, чтобы надлежаще ограничить использование заключения эксперта, основанное на деяниях, которые не могли быть незаконными по логике самого суда. Суд мог бы, например, запросить другое заключение эксперта, ограниченное анализом деяний, совершённых после 23 июня 2020 г., или мог бы дать пояснения, что доказательственная ценность заключения определённым образом ограничена. Вместо этого, суд попросту опирался на это заключение, и сам цитирует новогодний тост Утеповой в честь Аблязова 2019 года, не поясняя его относимость и невзирая на тот факт, что он был произнесён до запрета Коше.²⁹⁹

Четвёртое, мнение суда, несмотря на эту обеспокоенность относительно квалификации и выводов экспертов, а также невзирая на невозможность допроса ряда экспертов защитой, безоговорочно принимает заключение экспертов и показания экспертов, что и служит основанием обвинительного приговора.

В сумме, необоснованные постановления суда против защиты, его отказ вмешаться для поддержания справедливости разбирательства, избыточная опора на проблематичные заключения государственных экспертов противоречили гарантии беспристрастности, установленной в Статье 14(1) Международного пакта о гражданских и политических правах.

D. ДРУГИЕ ВОПРОСЫ В СВЯЗИ СО СПРАВЕДЛИВОСТЬЮ РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Принцип законности

²⁹⁶ Заместитель прокурора города Нур-Султан, Обвинительный акт, 16 февраля 2021 г..

²⁹⁷ Районный суд №2 Сарыаркинского района города Нур-Султана, Приговор, 29 апреля 2021 г.

²⁹⁸ Заключение экспертов № 2378, 31 декабря 2020 г.

²⁹⁹ Районный суд №2 Сарыаркинского района города Нур-Султана, Приговор, 29 апреля 2021 г.

Обвинение и осуждение Утеповой нарушили принцип законности. Этот принцип – который также называют *nullum crimen sine lege* (нет преступления без закона) – воплощён в Статье 15(1) Международного пакта о гражданских и политических правах, который предусматривает, в частности: «Никто не может быть признан виновным в совершении какого-либо уголовного преступления вследствие какого-либо действия или упущения, которое, согласно действовавшему в момент его совершения внутригосударственному законодательству или международному праву, не являлось уголовным преступлением». Принцип законности «является существенным элементом верховенства закона» и «должен толковаться и применяться, как следует из предмета и цели статьи, для обеспечения эффективных гарантий против произвольного преследования, осуждения и наказания».³⁰⁰

Как разъясняет Европейский суд по правам человека, принцип законности не только устанавливает «запрет придания обратной силы уголовному закону в ущерб обвиняемому», но и «воплощает в более общем смысле принцип того, что только закон может определить преступление и назначить за него наказание», и он должен делать это ясно и определённо.³⁰¹ Закон должен также быть доступным и предвидимым, чтобы лица могли соответственно регулировать своё поведение, и не должен «наделять лиц, которым поручено его осуществление, неограниченными дискреционными полномочиями».³⁰² Правила наложения уголовной ответственности могут разъясняться судебным толкованием, но только постольку, поскольку «итоговое развитие совместимо с сущностью преступления и его можно было разумно предвидеть».³⁰³ Из этого следует, что «это требование выполняется, когда человек может узнать из формулировки соответствующей статьи, а при необходимости с помощью судебного толкования и юридической консультации, какие действия или бездействие повлекут для него уголовную ответственность».³⁰⁴

Формулировка Статьи 405(2), по которой Утепова была обвинена, судима и осуждена, недостаточно чёткая, то есть для человека трудно понять, какие именно «действия или бездействие повлекут для него уголовную ответственность», и они

---

³⁰⁰ Европейский суд по правам человека, Кононов против Латвии, Жалоба № 36376/04, 17 мая 2010 г., пар. 185. См. также Европейский суд по правам человека, Коккинакис против Греции, Жалоба № 14307/88, 25 мая 1993 г., пар. 52.

³⁰¹ Там же.

³⁰² Комитет ООН по правам человека, Замечание общего порядка № 34, Док. ООН CCPR/C/GC/34, 12 сентября 2011 г., пар. 25. Хотя Комитет в Замечании обсуждает принцип законности в контексте ограничения права на свободу выражения, эти требования являются основополагающими для принципа законности в любом контексте.

³⁰³ Европейский суд по правам человека, Кононов против Латвии, Жалоба № 36376/04, 17 мая 2010 г., пар. 185. См. также Европейский суд по правам человека, Коккинакис против Греции, Жалоба № 14307/88, 25 мая 1993 г., пар. 52.

³⁰⁴ Там же.

«наделяют лиц, которым поручено его осуществление, неограниченными дискреционными полномочиями».

По Статье 405(2), является уголовно наказуемым «участие» в деятельности запрещённой организации «в связи с осуществлением ими экстремизма или терроризма». Отсутствует, однако, определение либо ограничительные принципы, применяемые к понятиям «участие» и «деятельность», что вызывает неопределённость. Может ли участие состоять всего лишь в выражении поддержки? А если просто носить одежду с названием или символикой запрещённой организации или «залайкать» пост в поддержку этой организации в соцсетях? Соответственно, что имеется в виду под словом «деятельность»? Должна ли деятельность заключаться в мероприятиях, официально организованных запрещённой партией, или же это могут быть спонтанные и/или неформальные собрания? Является ли обсуждение в соцсетях о запрещённой организации «деятельностью», в которой можно «участвовать», для целей Статьи 405? Двусмысленность в этом отношении делает это положение подверженным «слишком широкому или произвольному толкованию».

Кроме того, неясно значение самого понятия «экстремизм». Казахстан принял Закон о противодействии экстремизму 18 февраля 2005 г. Закон так определяет экстремизм:

Совершение физическим и (или) юридическим лицом ... действий, преследующих следующие экстремистские цели ... : насильственное изменение конституционного строя, нарушение суверенитета Республики Казахстан, целостности, неприкосновенности и неотчуждаемости ее территории, подрыв национальной безопасности и обороноспособности государства, насильственный захват власти или насильственное удержание власти, создание, руководство и участие в незаконном военизированном формировании, организация вооруженного мятежа и участие в нем, разжигание социальной, сословной розни (политический экстремизм)...

Термин «экстремизм» охватывает широкий диапазон действий – в том числе, действия, которые потенциально противоречат суверенитету или целостности Казахстана; подрывают его безопасность; которые каким-либо образом разжигают рознь – и ни одно из этих понятий не определено. Поэтому лицу или организации трудно удостовериться, что они далеки от нарушения Закона о противодействии экстремизму, и это ещё один слой неопределённости, создающий трудности, перечисленные выше, со Статьей 405(2).

Эти расплывчатые и слишком широкие формулировки особенно подвержены дискриминационному применению при криминализации политического протеста и другой охраняемой речи. Как упоминалось выше, различные органы ООН высказывали обеспокоенность тем, что «в уголовном законодательстве [Казахстана] понятие «экстремизм» ... формулируется широко, и что такое законодательство в отношении экстремизма используется для того, чтобы неправомерным образом ограничивать свободу религии, выражения своего мнения, собраний и ассоциаций».³⁰⁵

Эти двусмысленности в Статье 405(2) – и та простота, с которой их можно эксплуатировать – были продемонстрированы в деле Утеповой.

Обвинительный акт, например, перечисляет посты в Фейсбук: «Существует антивирус. И он называется ДВК» и «А если я скажу, что поддерживаю ДВК, кто-нибудь удивится?», то есть обвинение понимало «участие» по Статье 405(2) как охватывающее выражение взглядов в поддержку запрещённой организации в соцсетях. То, что эти посты в соцсетях будут толковаться как «участие», даже не показывая никакой координации с данной организацией, нельзя было «разумно предвидеть». Учитывая, что обвинение и осуждение Утеповой в основном опирались на эти посты, процесс нарушил принцип законности.

Право на свободу выражения мнения

Судебное преследование и осуждение Утеповой нарушило её право на свободу выражения мнения. В соответствии со Статьёй 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, «каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения», которое включает «политические выступления, комментарии на личные или политические темы ..., обсуждение вопросов прав человека, журналистская деятельность».³⁰⁶

При толковании Статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, Комитет ООН по правам человека подчёркивает значение охраны политических споров и возможности критиковать политических чиновников. Комитет, например, указал, что «особое значение имеет свободный обмен информацией и мнениями по государственным и политическим вопросам между

---

³⁰⁵ Комитет ООН по правам человека, Заключительные замечания по второму периодическому докладу Казахстана, Док. ООН A/HRC/43/46/Add.1, 9 августа 2016 г., пар. 13.

³⁰⁶ Комитет ООН по правам человека, Замечание общего порядка № 34, Док. ООН CCPR/C/GC/34, 12 сентября 2011 г., пар. 11.

гражданами, кандидатами и избранными представителями народа».³⁰⁷ По словам Комитета: «все общественные деятели, в том числе представители высшей политической власти, такие как главы государств и правительств, могут на законных основаниях становиться объектом критики и нападков политической оппозиции».³⁰⁸ Комитет также определил: «Установление мер наказания для СМИ, издателей или журналистов исключительно за критику правительства или общественно-политической системы, которой придерживается правительство,¹⁰³ ни при каких обстоятельствах не может рассматриваться в качестве необходимого ограничения права на свободное выражение мнений».³⁰⁹

В соответствии с постановлениями Комитета, любые ограничения охраняемой свободы высказывания должны (i) быть предписаны законом (ii) служить законной цели и (iii) быть необходимы для достижения этой цели и адекватны ей.³¹⁰ Цели, которые считаются законными в соответствии со Статьёй 19(3) Международного пакта о гражданских и политических правах, включают охрану здоровья или нравственности населения, государственной безопасности, уважения прав и репутации других лиц.³¹¹ Как указал Комитет, «когда государство-участник ссылается на законные основания при установлении ограничения на свободу выражения мнений, оно должно чётко и подробно продемонстрировать конкретный характер угрозы... в частности путём установления прямой и непосредственной связи между формой выражения и угрозой».³¹²

В том случае, когда ограничение преследует законную цель, оно тем не менее может «нарушать критерий необходимости, если такой защиты можно добиться другими способами, не ограничивая при этом права на свободное выражение мнений».³¹³ Требование необходимости пересекается с требованием соразмерности, так как последняя означает, что ограничения «должны представлять собой наименее ограничительное средство из числа тех, с помощью которых может быть достигнут желаемый результат».³¹⁴ Поэтому Государства обязаны соблюдать высокий порог, прежде чем предъявлять уголовные обвинения на основании речи. В частности, Специальный докладчик ООН по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение указал,

---

³⁰⁷ Комитет ООН по правам человека, Замечание общего порядка № 34, Док. ООН CCPR/C/GC/34, 12 сентября 2011 г., пар. 13.

³⁰⁸ Там же пар. 38.

³⁰⁹ Там же пар. 42.

³¹⁰ См. Комитет ООН по правам человека, Ким против Республики Корея, Док. ООН CCPR/C/64/D/574/1994, 1999, пар. 12.2. См. также Комитет ООН по правам человека, Замечание общего порядка № 34, Док. ООН CCPR/C/GC/34, 12 сентября 2011 г., пар. 34.

³¹¹ Там же.

³¹² Комитет ООН по правам человека, Замечание общего порядка № 34, Док. ООН CCPR/C/GC/34, 12 сентября 2011 г., пар. 35.

³¹³ Там же пар. 33.

³¹⁴ Там же пар. 34.

что в соответствии со Статьёй 19 уголовному преследованию подлежат лишь тяжкие нарушения при осуществлении свободы слова: детская порнография, подстрекательство к терроризму, публичные призывы к геноциду, оправдание национальной, расовой или религиозной ненависти.³¹⁵

В соответствии с этими стандартами, уголовное преследование А. Утеповой нарушает её право на свободу выражения.

Посты, за которые была осуждена Утепова, касались политических вопросов: оппозиционных партий ДВК и Коше.³¹⁶ Конкретно, приговор признаёт Утепову виновной на основании поста «А если я скажу, что поддерживаю ДВК, кто-нибудь удивится?»; поста «Существует антивирус. И он называется ДВК»; поста «Уроки смелости и отваги от Аблязова»; и поста о митинге перед овощным магазином (рассматривается отдельно ниже в разделе о свободе мирных собраний).³¹⁷ Дополнительные действия, включённые в обвинительный акт, но не включённые в приговор, также касаются Коше и ДВК.

Вне зависимости от того, предназначались ли эти посты в поддержку ДВК и Коше, в качестве журналистского исследования или сатиры, комментарий А. Утеповой располагался в рамках более широкого общественного диалога по политическим вопросам. Как установил Комитет ООН по правам человека, такая форма реагирования на текущие события требует повышенной охраны. Следовательно, наложенное ограничение – то есть уголовное обвинение Утеповой, её осуждение и приговор – было незаконным, если оно не соответствовало трёхчастному тесту, описанному Комитетом ООН по правам человека.

Этому тесту оно не соответствовало. Первое, как вопрос порога, процесс против Утеповой не выполнил требование законности. Как говорилось выше, Статья 405(2) недопустимо расплывчатая, что затрудняет для лиц понимание, какие именно действия запрещены, и давая властям избыточные дискреционные полномочия. Второе, для наложения любых ограничений требовалось сформулировать законную цель, а также показать «конкретным и индивидуализированным образом конкретный характер угрозы ... [и] прямую и непосредственную связь между формой выражения и угрозой».³¹⁸ Даже предполагая, что обвинение Утеповой

---

³¹⁵ Генеральная ассамблея ООН, Содействие и охрана права на свободу мнения и выражения, Шестдесят шестая сессия, Док. ООН A/66/290, 10 августа 2011 г., пар. 40. См. также Совет по правам человека, Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом, A/HRC/31/65, 29 апреля 2016 г., пар. 38; Йоханнесбургские принципы. Национальная безопасность, свобода выражения мнения и доступ к информации, Док. ООН E/CN.4/1996/39, 1 октября 1995 г., Принцип 7.

³¹⁶ Районный суд №2 Сарыаркинского района города Нур-Султана, Приговор, 29 апреля 2021 г.

³¹⁷ Там же.

³¹⁸ Комитет ООН по правам человека, Замечание общего порядка № 34, Док. ООН CCPR/C/GC/34, 12 сентября 2011 г., пар. 35.

имело законную цель охраны общественного порядка, власти не только не смогли предоставить «конкретную и индивидуализированную» информацию о «конкретном характере угрозы», но и не смогли установить «прямую и непосредственную связь между формой выражения и угрозой». Аргументация обвинения и приговор вращались вокруг заключения эксперта №2378. Заключение, однако, не содержит конкретных признаков вероятности нарушения общественного порядка, сделав вместо этого расплывчатые и голословные утверждения, например:

В содержании представленных материалов содержатся высказывания и призывы к социальным волнениям, к смене политического режима в стране, которые подрывают социальное согласие и политическую стабильность, тем самым усугубляя социально-политическую ситуацию.³¹⁹

Кроме заявления, что представленные материалы могут создать негативное отношение к правительству (особенно среди людей «а) с высоким культурным уровнем, вполне понимающих смысл высказываний, внутренне убеждение которых совпадает с информацией, изложенной в материалах; б) группы людей, не обладающих достаточной долей критичности, самокритичности, либо предвзято относящихся к изложенной информации»), это заключение не объясняет, почему или как это приведёт к широким общественным беспорядкам, в отличие от мирной политической критики и оппозиции.³²⁰ Без указания конкретной угрозы обществу, эта оценка не достигает норм Статьи 19.

Третье, что касается требований необходимости и соразмерности, предъявление уголовного обвинения не было «наименее ограничительным средством из числа тех, с помощью которых может быть достигнут желаемый результат». Как подробно говорится выше, уголовное преследование за слово возможно только в случае тяжкого преступления, например, подстрекательство к терроризму либо оправдание национальной, расовой или религиозной ненависти. Хотя обвинительный акт описывает основные цели ДВК и Коше как «возбуждение социальной розни [и] насильственный захват власти и изменение конституционного порядка в Республике Казахстан», обвинение не заявляло, а суд не установил, что действия Утеповой сами по себе квалифицируются как возбуждение насилия или розни.³²¹ Более того, заключение эксперта конкретно делает вывод, что исследованные материалы не свидетельствуют о призыве к свержению правительства – «в материалах содержатся обращения и провокационные высказывания и побудительные конструкции, призывающие к нарушениям

³¹⁹ Заключение экспертов № 2378, 31 декабря 2020 г.

³²⁰ Там же.

³²¹ См. Районный суд №2 Сарыаркинского района города Нур-Султана, Приговор, 29 апреля 2021 г.; Заместитель прокурора города Нур-Султан, Обвинительный акт, 16 февраля 2021 г..

общественного порядка, антиобщественным действиям (незаконные митинги, акции и т.д.), которые в свою очередь приведёт к обострению общественно-политической ситуации в стране; но не содержатся обращения и провокационные высказывания, призывающие к насильственному изменению конституционного строя».³²²

Четвёртое, приговор Утеповой включал двухлетний запрет на политическую и гражданскую деятельность, в том числе в соцсетях. Эта мера непозволительным образом ограничила охраняемые высказывания, которые – как подробно обсуждается выше – включают и политический дискурс. Даже если бы у суда и был законный интерес для наложения запрета, этот запрет не был ни необходимым, ни соразмерным, учитывая широту этого запрета, которым Утеповой запрещается *всякая* политическая деятельность на два года, без исключения. Право А. Утеповой по Статье 19 на свободу выражения было таким образом нарушено.

Стоит отметить, что приговор суда выказывает также предубеждение против неофициальной журналистики. Суд отвергает утверждения Утеповой, что многие её посты были размещены в целях журналистского исследования, указав:

Как установлено в судебном заседании Утепова А.Д. окончила экономический факультет и факультет математики и информатики, т.е. специального образования для занятия журналистской деятельностью не имеет. Официально в штате печатных изданий и в средствах массовой информации не числится.³²³

Отсутствие диплома по журналистике или работа в штате новостного издания не определяет, занимается ли лицо журналистикой. Поэтому утверждение суда поднимает вопрос о потенциальной предвзятости к фрилансерам или работе в соцсетях, притом, что они являются ключевыми элементами в журналистской практике и охраняются правом на свободу выражения мнения.

Право на мирные собрания

Кроме нарушения права Утеповой на свободу выражения, процесс нарушил её право на мирные собрания.

Право на мирные собрания гарантировано по Статье 21 Международного пакта о гражданских и политических правах. Комитет ООН по правам человека объяснил, что Статья 21 «защищает ненасильственные собрания, проводимые отдельными лицами для конкретных целей, главным образом в целях выражения мнений. Оно

³²² Заключение экспертов № 2378, 31 декабря 2020 г.

³²³ Районный суд №2 Сарыаркинского района города Нур-Султана, Приговор, 29 апреля 2021 г.

представляет собой индивидуальное право, осуществляемое в коллективном порядке».³²⁴ Защита Статьи 21 распространяется равным образом на организованные и спонтанные собрания, а также на участников, организаторов и всех, кто распространяет информацию о них или иначе способствует собраниям.³²⁵ «Поскольку во многих случаях мирные собрания проводятся в целях выразить определенные мнения, а такая форма их выражения, как политические высказывания, пользуется особой защитой, то собраниям политического характера следует обеспечивать условия и защиту повышенного уровня».³²⁶ Более того, власти обязаны способствовать мирным протестам, в том числе принимая «конкретные меры», например, «перекрыть улицы [и] перенаправить движение».³²⁷

Как и в отношении ограничений права на свободу выражения, допустимые ограничения права на мирные собрания строго ограничены и должны (i) быть предписаны законом (принцип законности), (ii) служить законной цели, и (iii) быть необходимыми для достижения и соразмерны этой цели.³²⁸ В отношении законности цели, ограничения права на мирные собрания разрешены только в интересах государственной безопасности, общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья или нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц.³²⁹ «Данный перечень является исчерпывающим».³³⁰ Комитет ООН по правам человека чётко определил, что меры, принимаемые для защиты общественного порядка, следует конструировать узко:

Государствам-участникам не следует руководствоваться расплывчатым определением общественного порядка для обоснования чрезмерно широких ограничений права на мирные собрания. В некоторых случаях мирные собрания могут по своему характеру или преднамеренно приводить к созданию некоторых помех, что требует высокой степени терпимости. Понятия «общественный порядок» и «законность и правопорядок» не являются синонимами, а запрет общественных беспорядков во внутреннем праве не должен ненадлежащим образом использоваться для ограничения мирных собраний.³³¹

³²⁴ Комитет ООН по правам человека, Замечание общего порядка № 37, Док. ООН CCPR/C/GC/37, 23 июля 2020 г., пар. 4.

³²⁵ Там же пар. 13-14, 33-34.

³²⁶ Там же пар. 32.

³²⁷ Там же пар. 24.

³²⁸ ICCPR, Статья 21. См. также Комитет ООН по правам человека, Замечание общего порядка № 37, Док. ООН CCPR/C/GC/37, 23 июля 2020, пар. 36.

³²⁹ ICCPR, Статья 21.

³³⁰ Комитет ООН по правам человека, Замечание общего порядка № 37, Док. ООН CCPR/C/GC/37, 23 июля 2020 г., пар. 41.

³³¹ Там же пар. 44.

В частности, «если участники собрания ведут себя мирно, то тот факт, что его организаторы или участники не соблюли отдельные внутренние правовые требования к проведению собрания, сам по себе не выводит участников из сферы защиты, предусмотренной статьей 21».³³²

Утепова была судима и осуждена за пост в Фейсбук «Уважаемые друзья! Я призываю всех на митинг завтра 7 августа в 10:00. Тема митинга: «Шал кет, иди нах...» Место проведения митинга: перед магазином «Домашний» на проспекте Абая – угол улицы Жубанова г. Нур-Султан. Организатор митинга Я».³³³ «Шал кет» - это лозунг, который обычно используется в протестах против правительства.³³⁴ Хотя характер митинга был неясен из этого поста в Фейсбук, использование слов «Шал кет» предполагает, что он может быть политическим. Как указано выше, «собраниям политического характера следует обеспечивать условия и защиту повышенного уровня».³³⁵

В любом случае, в посте не было признаков того, что митинг может быть насильственным, или что было такое намерение. Более того, даже хотя власти запретили ДВК и Коше как экстремистские организации и даже если они полагали, что собрание Утеповой будет в поддержку одной или обеих оппозиционных партий, «если участники собрания ведут себя мирно, то тот факт, что его организаторы или участники не соблюли отдельные внутренние правовые требования к проведению собрания, сам по себе не выводит участников из сферы защиты, предусмотренной Статьей 21».³³⁶

Другими словами, криминализация ДВК и Коше и по расширению, связанных с ними митингов, не вывела бы эти демонстрации из сферы защиты, предусмотренной Статьей 21, «если участники ведут себя мирно». При отсутствии доказательств противного в посте Утеповой, её обвинение и осуждение нарушило Статью 21.

Право на свободу ассоциаций

Статья 22 Международного пакта о гражданских и политических правах защищает право на свободу ассоциаций. При толковании Статьи 22, Комитет ООН по правам человека указал, что «существование и деятельность объединений, включая объединения, мирным путем продвигающие идеи, которые необязательно

---

³³² Там же пар. 16.

³³³ Заместитель прокурора города Нур-Султан, Обвинительный акт, 16 февраля 2021 г..

³³⁴ Нью-Йорк Таймс, «Казахстанский бывший лидер говорит о беспорядках, охвативших страну», 18 января 2022 г. Адрес <https://www.nytimes.com/2022/01/18/world/europe/Kazakhstan-nursultan-nazarbayev-video.html>.

³³⁵ Комитет ООН по правам человека, Замечание общего порядка № 37, Док. ООН CCPR/C/GC/37, 23 июля 2020 г., пар. 32.

³³⁶ Там же пар. 16.

благоприятно воспринимаются правительством или большинством населения, являются краеугольным камнем любого общества».³³⁷ Комитет таким образом установил, что отказ правительства зарегистрировать организацию, а также последующий уголовный приговор основателю этой организации по обвинениям в уклонении от уплаты налогов (за наличие банковского счёта со средствами, выделенными на организацию, несмотря на её незарегистрированный статус) нарушили его право на свободу ассоциаций.³³⁸

Как далее отметил Европейский суд по правам человека, тот факт, что «политическая программа» организации «считается несовместимой с текущими принципами и структурами...Государства, не делает её несовместимой с нормами и принципами демократии. Сущность демократии - позволять предлагать и обсуждать различные политические программы, даже те, которые ставят под вопрос текущую организацию Государства, при условии, что они не наносят вред самой демократии».³³⁹ Следовательно, ограничение ассоциаций на основании их отклонения от повестки правящей партии не соответствует праву на свободу ассоциаций.³⁴⁰

В настоящем деле Утепова была судима и осуждена за якобы участие в деятельности запрещённой организации – т.е. ДВК и Коше. Как говорилось выше, были серьёзные сомнения в том, что указанные действия квалифицируются как участие в деятельности ДВК или Коше. Оставляя это в стороне, однако, нет ясности, что ДВК или Коше вообще следовало классифицировать как экстремистские организации и криминализировать их. Хотя решения о запрете ДВК и Коше не были обнародованы, Европейский парламент³⁴¹ и Государственный департамент США³⁴² характеризовали их как мирные. Как чётко разъяснил Комитет по правам человека, Статья 22 Международного пакта о гражданских и политических правах защищает право ассоциации с организациями или другими лицами, которые «не обязательно благосклонно воспринимаются Правительством или большинством населения». Предполагая, что ДВК и Коше действительно мирные, как представляется, и запрещены в стране просто за отклонение от повестки партии Nur-Otan, это нарушает Статью 22, как и обвинение Утеповой по Статье 405(2).

---

³³⁷ См. Комитет ООН по правам человека, Пинчук против Беларуси, Док. ООН ССРР/С/112/D/2165/2012, 17 ноября 2014 г., пар. 8.4.

³³⁸ См. там же пар. 8.6.

³³⁹ Европейский суд по правам человека, Дело Объединённой македонской организации Илинден-Пирин и других против Болгарии, Жалоба № 59489/00, 20 октября 2005 г., пар. 61.

³⁴⁰ Там же пар. 61–63.

³⁴¹ Европейский парламент, Резолюция по правам человека в Казахстане, 2021/2544(RSP), 10 февраля 2021 г., пар. 5.

³⁴² Государственный департамент США, «Доклады о положении в области прав человека по странам 2020 г.: Казахстан», март 2021 г., с. 40.

ВЫВОД И ОЦЕНКА

Как демонстрирует необоснованная принудительная госпитализация Айгуль Утеповой в психиатрическую клинику, её произвольный домашний арест, необоснованное осуждение и запрет на публичный комментарий, власти воспользовались уголовным процессом по Статье 405(2) для того, чтобы запугать её и заставить замолчать.

Свобода выражения мнений, свобода мирных собраний и свобода ассоциаций – это краеугольные камни демократии, увековеченные в международных правозащитных документах, которыми связан Казахстан. Осуществление этих свобод не может быть криминализировано в рамках широко сформулированных определений экстремизма во внутреннем законодательстве, как Статья 405 Уголовного кодекса. Казахское антиэкстремистское законодательство должно быть реформировано в сторону сужения этих определений, чтобы обеспечить ясность и предсказуемость этих законов, и предотвратить их применение для подавления охраняемых свобод.

Соответственно, международное законодательство по правам человека даёт ясно сформулированные параметры для всех видов ограничения свободы с санкции государства. Национальное законодательство должно отражать эти механизмы защиты. Казахские законы о помещении в психиатрические учреждения – и гражданские, и уголовные – необходимо изменить, чтобы обеспечить всеобъемлющую защиту для надлежащего отправления правосудия. По существу, эти законы должны чётко описывать критерии для любой утраты свободы, и эти критерии должны быть разумно связаны с целью, для которой лицо помещается в учреждение. С процессуальной точки зрения, сюда должно входить уведомление, наличие юридического представителя, слушание, повышенный стандарт доказывания и периодический пересмотр. Эти процессуальные права не только защищают лицо, но и служат для обеспечения честности судебной и более широкой правовой системы.

Хотя Казахстан может заявлять себя как демократическая республика – и он ратифицировал большую часть международных правозащитных документов – это дело показывает, что правительство и власти Казахстана совершают нарушения законодательства о правах человека, которые берут начало в авторитарных советских режимах. Страны крепкой демократии не подавляют политический протест своих граждан, вооружаясь законами, которые были предназначены для защиты их гражданских и политических прав. Защита свободы слова – неотъемлемый компонент функционирования демократического общества, а использование произвольного задержания и наказаний для того, чтобы задушить

протест, противоречит заявленной Казахстаном приверженности демократическому управлению.

Последствия этого неправосудного судебного процесса для Айгуль Утеповой трудно переоценить. Она лишилась свободы передвижения из-за ограничений, наложенных приговором; она лишилась карьеры независимого журналиста из-за судебного запрета на свои публичные комментарии по социальным вопросам; и она лишилась доступа к своему счёту в банке из-за включения её в список террористов, что привело её в состояние неуверенности в завтрашнем дне. По прошествии года после приговора, Казахстан должен отменить его и возместить Утеповой причинённый ущерб.

БАЛЛ:

D

ПРИЛОЖЕНИЕ

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ

Эксперты присуждают процессу балл А, В, С, D либо F, что отражает их мнение о том, соблюдалось ли в судебном процессе, и в какой степени, действующее международное законодательство в области прав человека, учитывая в том числе следующее:

- Серьёзность допущенных нарушений;
- Повлияли ли эти нарушения на исход процесса;
- Были ли обвинения выдвинуты целиком или частично по неправомерным мотивам, включая политические мотивы, экономические мотивы, дискриминацию, например на основании «расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических и иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства»,³⁴³ а также месть за правозащитную деятельность (даже если обвиняемый был в итоге оправдан);
- Степень вреда, причинённого обвинением (в том числе, но не только, был ли обвиняемый несправедливо осуждён, и если да, то к какому наказанию он был приговорён; содержался ли обвиняемый необоснованно под стражей до суда, даже если обвиняемый был в итоге оправдан в суде; подвергался ли обвиняемый жестокому обращению в связи с обвинением или судом; и/или насколько пострадала репутация обвиняемого из-за предъявления обвинений); и
- Совместимость законодательства и процессуальных норм, по которым был судим обвиняемый, с международным законодательством в области прав человека.

Уровни оценки

- А: Судебный процесс, который, по данным наблюдения, соответствовал международным нормам.
- В: Судебный процесс, который в целом соответствовал нормам в области прав человека, за вычетом небольших нарушений, когда эти нарушения не повлияли на исход дела и не нанесли существенного вреда.
- С: Судебный процесс, который не соответствовал международным нормам, но нарушения не повлияли на исход дела и не нанесли существенного вреда.

³⁴³ Международный пакт о гражданских и политических правах, Статья 26.

- D: Судебный процесс, который характеризуется одним или несколькими нарушениями международных норм, которые повлияли на исход дела и/или нанесли существенный вред.